

Клиника на одно лето

ЗЛАТА КОВАЛИК

Злата Ковалик

Клиника на одно лето

«Автор»

2026

Ковалик З.

Клиника на одно лето / З. Ковалик — «Автор», 2026

Ветеринар Лида Арсеньева приезжает в Бережск всего на одно лето: если сезонная клиника докажет пользу городу, она получит долгую аренду. Но после появления животного с подозрением на бешенство единственный лицензированный карантинный блок нужен сразу двум сторонам. Лиде — для пациентов клиники, руководителю приюта Антону Шатрову — для собак, которые могли оказаться в опасном контакте. Уступить друг другу из симпатии они не могут: за каждой заявкой стоят живые животные и профессиональная ответственность. Пока Лида и Антон ищут честные правила общей очереди, деловой партнёр готов превратить помещение в аптеку с короткими платными приёмами. Чтобы остаться в городе и сохранить лечение, Лиде придётся отказаться от того, что казалось её главным преимуществом, — исключительного права на карантинный блок. «Клиника на одно лето» — современный любовный роман о взрослом выборе, цене незаменимости и близости, которая не даёт права распоряжаться чужой работой.

© Ковалик З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Вывеска до сентября	6
Глава 2. Приют за железной дорогой	16
Глава 3. Комната с отдельным входом	26
Глава 4. Партнёр на расстоянии	35
Глава 5. Лиса у детской площадки	45
Глава 6. Первая клетка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Злата Ковалик

Клиника на одно лето

От автора

Иногда право остаться в городе зависит не от того, насколько сильно ты этого хочешь, а от того, что ты готов сделать для людей и животных, которые жили здесь до тебя. Эта история — о взрослом выборе, профессиональной ответственности и близости, которую нельзя покупать уступками.

Ветеринарная работа в романе показана прежде всего как ежедневный труд: с тревожными хозяевами, неудобными решениями, записями в журнале и ценой ошибки. Но в центре книги не диагноз и не редкий случай. В центре — вопрос, кому принадлежит жизненно важный ресурс, если его не хватает всем, и может ли любовь выдержать честный ответ.

Герои этой книги не спасают друг друга от собственной жизни. Они учатся стоять рядом, не отнимая у другого право отвечать за своё дело. Мне хотелось написать летнюю историю, в которой остаться — такой же поступок, как уехать, а общий дом начинается не с ключа в кармане, а с готовности разделить ответственность.

Глава 1. Вывеска до сентября

Буква «К» держалась на одном винте и от каждого порыва ветра стучала по стене, словно просилась внутрь. Лида стояла на стремянке, прижимала вывеску плечом и пыталась попасть отвёрткой в шлиц. Внизу женщина в соломенной шляпе придерживала стремянку одной рукой, а другой удерживала таксу на коротком поводке.

— Если упадёте, я вас приму без очереди, — сказала Лида.

— А если вывеска упадёт на Бублика?

— Бублика тоже. Но лучше отойдите на два шага.

Женщина отошла, такса осталась и подняла морду. Лида наконец затянула винт. На белом прямоугольнике ровно стояли синие слова «Ветеринарная клиника», а ниже, на сменной полосе, было написано: «Работаем ежедневно». Ни фамилии, ни круглосуточных обещаний. Она настояла на этом, хотя Игорь говорил, что без имени клиника похожа на муниципальный кабинет, а без слова «24/7» люди вообще не понимают, за что платить.

Лида спустилась и толкнула стремянку за дверь. Буква больше не стучала. В тишине июньской улицы стало слышно, как на площади разгружают ящики и как Бублик тяжело дышит, будто успел пробежать весь Бережск.

— Вы сегодня открылись? — спросила хозяйка.

— Через сорок минут.

— Значит, мы первые.

— Что случилось?

— Ничего. Когти. Но он кусается.

Бублик посмотрел на Лиду с достоинством существа, о котором только что распространили клевету. Она присела, не протягивая к нему руки. Пёс понюхал её кроссовок и отвернулся.

— Запишу вас на десять. Паспорт есть?

— У собаки?

— Для начала у собаки.

Женщина рассмеялась, потом поняла, что вопрос серьёзный, и стала искать паспорт в большой плетёной сумке. Лида записала имя и телефон на обороте рекламной листовки. Компьютер ещё не был подключён, журнал приёма лежал в коробке под перевязочным материалом, а стойку администратора обещали привезти к обеду. У клиники уже был первый пациент, но пока не было даже ручки, которую не приходилось бы вытирать о джинсы после каждого слова.

Она открыла дверь шире. За ней пахло свежей краской, мокрой штукатуркой и лекарствами. Помещение прежде занимала служба городского озеленения: две комнаты, узкий коридор, санузел и пристройка с отдельным входом со двора. За шесть недель Лида отмыла плитку, провела воду в смотровую, нашла подержанный операционный стол и убедила электрика поставить дополнительную розетку там, где он считал это прихотью. Стены оставались слишком пустыми. Белые прямоугольники казались временными даже ей самой.

На дверном косяке висел календарь. Лида зачеркнула первое июня и сразу рассердилась на себя. Так делают дети перед каникулами и люди, которые отбывают срок. Она приехала не отбывать лето. Она приехала выиграть его.

Телефон завибрировал на подоконнике.

— Ну? — спросил Игорь вместо приветствия.

— Вывеска висит.

— Я про кассу.

— Касса включается. Терминал видит сеть через раз.

— Это означает, что не видит. Позвони провайдеру.

— Уже. Мастер будет до двенадцати.

— У тебя открытие в девять.

Лида посмотрела на часы. Было восемь двадцать семь.

— Первые три часа выпишу чеки после восстановления связи. Закон это допускает.

— Ты всегда находишь способ сделать неудобное допустимым. Найди способ сделать удобное прибыльным.

Игорь говорил без злости. От этого его замечания иногда переносились тяжелее. Они знали друг друга одиннадцать лет, семь из них работали вместе: сначала в чужой клинике, затем в двух арендованных кабинетах. Игорь умел считать деньги раньше, чем Лида успевала понять, что очередная хорошая идея обходится им дороже месячной аренды. Без него она не решилась бы на Бережск. Без неё он, вероятно, открыл бы уже пять аптек и ни разу не проснулся ночью от мысли о собаке после операции.

— На десять записала когти, — сказала она.

— Сколько?

— Восемьсот.

— Вот. Простая услуга, двадцать минут, никаких расходов. Таких нам и нужно двадцать в день.

— Бублик кусается.

— За характер надбавка.

Она улыбнулась, хотя Игорь не мог этого видеть.

— Ты приедешь?

— В пятницу. Если здесь пожар потушу. Лид, запомни: летом нам надо не доказать, что ты лучший врач области. Надо показать оборот. Комиссия смотрит цифры.

— Комиссия смотрит пользу для города.

— Польза, которую нельзя посчитать, называется благотворительностью.

Он отключился прежде, чем она успела ответить. Лида положила телефон экраном вниз. На стекле остался мучной след от строительной пыли.

Ровно в девять она повернула табличку на двери стороной «Открыто». Никто не вошёл. Женщина с Бубликом обещала вернуться к десяти, но Лида всё равно села за стол в смотровой, расправила новый журнал и вывела дату. Первая строка выглядела торжественно и нелепо.

На площади били часы. Потом проехал автобус, оставив за собой запах дизеля. Из соседней булочной вынесли доску с ценой пирожков. Напротив мужчины открыл мастерскую по ремонту обуви и, заметив Лиду в окне, поднял ладонь. Она ответила. В незнакомом городе этот жест оказался важнее, чем должен был.

В Бережске жило тридцать восемь тысяч человек, если верить справке из администрации, и, по словам местных, вдвое больше собак, чем признавалось официально. Старая ветеринарная станция принимала сельскохозяйственных животных и делала обязательные прививки, но работала до пяти. Частный кабинет на южной окраине закрылся зимой после болезни владельца. Именно поэтому город выставил помещение на сезонный конкурс: три месяца льготной аренды, затем оценка, после которой победителю могли дать договор на пять лет.

«Могли» было главным словом. Лида продала машину, забрала вклад, оставшийся после продажи бабушкиной квартиры, и вложила деньги в оборудование, которое в сентябре пришлось бы вывозить, если комиссия решит, что город обойдётся без неё. Игорь добавил столько же, но не продал для этого ничего, кроме доли в одном складе. Рисковали они поровну только на бумаге.

В девять двенадцать вошёл мальчик лет десяти с картонной коробкой.

— Взрослые есть? — спросила Лида.

— Есть, — сказал мальчик. — На работе.

Коробка мякнула.

Лида присела перед ним.

— Покажи.

Внутри лежал серый котёнок, слишком маленький для самостоятельной прогулки. Один глаз был склеен, нос покрывала сухая корочка. На дне коробки темнело старое полотенце.

— Нашёл у гаражей. Мама сказала не тащить домой. У неё аллергия. Вы возьмёте?

— Я лечу животных, но не могу оставить их всех у себя.

Мальчик кивнул так быстро, будто уже слышал эту фразу в нескольких местах.

— Тогда я обратно отнесу.

Он закрыл коробку. Лида остановила его ладонью.

— Подожди. Как тебя зовут?

— Миша.

— Телефон мамы знаешь?

Он продиктовал. Лида позвонила, объяснила, где находится ребёнок, и выслушала сбивчивое раздражение женщины, которая не могла уйти со смены. Она не обещала забрать котёнка, но разрешила осмотр и попросила отправить Мишу домой. Лида надела перчатки.

Котёнок весил шестьсот двадцать граммов. Истощён, обезвожен, но дышал ровно. Пока Лида промывала глаз и показывала Мише, как держать голову, мальчик перестал смотреть на дверь.

— Он ослепнет?

— Сейчас я этого не вижу. Но ему нужны капли, тепло, еда и взрослый человек, который будет всё делать вовремя.

— Я могу вовремя.

— Верю. Но лекарство должен давать взрослый. И решение, где он будет жить, тоже принимает взрослый.

Она позвонила по номеру городского приюта, который заранее выписала на первую страницу блокнота. Ответили после шестого гудка.

— Приют, Шатров.

Голос был низким и усталым, словно человек уже прожил полный рабочий день.

— Доброе утро. Это ветеринарная клиника на Советской. К нам принесли котёнка с улицы, примерно шесть недель. Я обработаю и оплачу первые лекарства, но оставить его здесь не могу.

— У нас собаки.

— На сайте написано «помощь бездомным животным».

— Сайт делали до меня. Сейчас у нас сорок семь собак, три кошки в бытовке и один холодильник, в котором нельзя хранить человеческую еду. Если котёнок заразный, я поселю его только отдельно, а отдельно нигде.

Лида посмотрела на дверь пристройки в конце коридора. За ней находилось помещение, которое она собиралась превратить в изолятор. Пока там стояли мешки сухой смеси и старая раковина.

— Я могу оставить его до вечера, — сказала она. — За это время вы найдёте передержку?

— Я не умею находить людей по заказу.

— А я не умею выписывать на улицу больного котёнка.

На другом конце помолчали.

— Пришлите фотографию и заключение. Я размещу в группе и позвоню волонтерам. Обещать место не буду.

— Этого достаточно.

— Нет, — сказал Шатров. — Но это всё, что есть.

Он продиктовал номер для сообщений. Лида записала фамилию в блокнот и почему-то подчеркнула. Потом сфотографировала котёнка на одноразовой пелёнке, стараясь, чтобы в кадр не попал пустой кабинет. Миша следил за ней.

— Значит, вы его взяли?

— До вечера. Это не то же самое.

— Для него то же самое.

Лида не стала спорить. Она выдала мальчику бахилы задом наперёд, потому что он уже собирался уходить в одних носках, дождалась, пока он наденет кроссовки, и проводила до площади. Отсюда было видно его дом. Миша побежал, обернулся на переходе и поднял руку.

Когда Лида вернулась, на пороге стояли двое мужчин. Один держал бухту кабеля, второй — папку с гербом города.

— Интернет, — сказал первый.

— Имущество, — сказал второй.

Лида впустила обоих.

Мастеру понадобилось сорок минут, чтобы обнаружить перебитый кабель над дверью. Всё это время мужчина с папкой ходил по помещениям, сверял номера на мебели и делал фотографии. Его звали Павел Сергеевич Романов, он работал в комитете по муниципальному имуществу и улыбался так осторожно, будто улыбка тоже числилась на балансе.

— Стол операционный ваш, — сказал он.

— Мой.

— А шкаф металлический?

— Городской. Я его перекрасила.

— Улучшение неотделимое?

— Краску можно соскрести, если понадобится.

Романов посмотрел на неё поверх очков.

— Надеюсь, до этого не дойдёт.

Он отметил что-то в акте. Лида заметила, что последняя страница папки помечена жёлтой наклейкой «Сентябрь».

— Комиссия уже назначена?

— Предварительно на двадцать пятое августа. Потом заключение и решение думы.

— Какие показатели для вас главные?

— Не для меня. Положение есть в приложении к договору.

— Я его читала.

— Тогда знаете: доступность помощи, санитарная польза, занятость помещения, отзывы жителей, отсутствие нарушений. Выручка тоже имеет значение, потому что город не хочет снова получить пустые окна через полгода.

Лида прислонилась к косяку. Список казался разумным, пока не пыталась представить, как одна услуга может одновременно быть дешёвой для пенсионерки, прибыльной для клиники и достаточно сложной, чтобы доказать городу санитарную пользу.

— А если показатели противоречат друг другу?

— На то и комиссия.

— Чтобы решить противоречие?

— Чтобы проголосовать.

Он произнёс это без насмешки. Лида поняла, что именно поэтому ответ прозвучал неприятно.

Романов дошёл до двери пристройки.

— Здесь что будет?

— Карантинный блок. Отдельный вход со двора, моющаяся отделка, вытяжка. Я подала документы на согласование.

— Дорого.

— Зато в городе появится место для изоляции животного до решения службы.

— На станции есть клетки.

— Для сельскохозяйственных животных. И не с отдельным входом. Если привезут собаку с подозрением на инфекцию, её нельзя вести через общую приёмную.

Романов приоткрыл дверь. В пристройке мастер как раз протягивал кабель вдоль потолка. На мешках сидел котёнок и пытался укусить край пелёнки.

— Уже карантин? — спросил чиновник.

— Временное наблюдение. Он не контактирует с пациентами.

— В журнал внесён?

Лида посмотрела на чистую первую строку в смотровой.

— Сейчас внесу.

— Я не проверяющий, Лидия Андреевна. Но комиссия увидит не ваши намерения, а записи.

Когда за мужчинами закрылась дверь, Лида первым делом внесла котёнка в журнал. «Владелец: не установлен». В графе оплаты поставила прочерк. Потом открыла отдельную тетрадь и написала на обложке: «Без владельца». Она не знала, требовалась ли такая тетрадь кому-нибудь, кроме неё самой, но белое поле теперь раздражало.

В десять пять пришёл Бублик. Кусаться он начал ещё до смотрового стола. Хозяйка пыталась прижать его к груди, называла сыночком и каждый раз отдёргивала руки, когда он показывал зубы.

— Так мы только учим его, что угроза работает, — сказала Лида. — Поставьте на пол.

— Он боится.

— Конечно. Здесь пахнет чужими животными и краской. Но страх не делает укусы безопасными.

Она дала таксе обнюхать мягкий намордник и получила разрешение хозяйки надеть его. Бублик возмутился, перевернулся на спину, попытался вывернуться из шлейки, но через минуту стоял на столе, напряжённый и целый. Лида подстригла когти, осмотрела уши и заметила воспалённую кожу между пальцами.

— Он лижет лапы?

— Всю весну. Я думала, от чистоты.

— Собаки редко вылизывают себя из любви к порядку.

Приём вместо двадцати минут занял пятьдесят. Лида взяла плату только за когти и написала, что наблюдать до следующего визита. Женщина купила шампунь, отказалась от дородного корма и перед уходом спросила:

— Вы ведь не только на лето?

Вопрос прозвучал так, будто клиника могла уехать внезапно, вместе с дверью и запахом краски.

— Пока договор до конца августа.

— А потом?

— Если город решит, что мы нужны, останемся.

— Конечно, нужны. Вон Бублик вас почти не укусил.

Такса посмотрела на Лиду поверх намордника. Она сняла его и вернула пса хозяйке.

— Вот в августе и скажете это комиссии.

— Скажу. Мне не трудно.

Женщина убрала чек в сумку, словно это был талон на будущее голосование.

До обеда пришли ещё четверо: кот с расчёсанным ухом, щенок на первую прививку, старый спаниель за справкой и мужчина, который хотел купить антибиотик без животного и оби-

делся на отказ. Интернет заработал. Стойку не привезли. Лида принимала деньги на подоконнике, между упаковкой салфеток и электрическим чайником.

В половине второго она обнаружила, что не завтракала. Булочная напротив уже закрылась на пересменку. В холодильнике лежали сыр, яблоко и бутылка воды, но сыр пришлось выбросить: упаковка два часа простояла рядом с хладоэлементами для вакцин, а Лида сама написала правило, что личной еды в этом холодильнике не будет.

Она съела яблоко у задней двери. Двор клиники выходил к заброшенному скверу. За сетчатым забором росли липы, под ними стояли две скамейки без досок. Дальше начиналась железная дорога. Товарный состав двигался медленно, закрывая собой половину неба.

Телефон подал сигнал. Шатров прислал короткое сообщение: «Передержка найдена с 18:00. Нужны назначения и корм на два дня. Заберу сам».

Лида ответила: «Хорошо». Потом добавила: «Спасибо», стёрла, снова написала и отправила. Человек нашёл место за несколько часов, хотя ничего не обещал. Это заслуживало слова, которое не было платой.

Следом пришло письмо из администрации. Тема: «Дополнительные разъяснения к оценке сезонных арендаторов». Лида открыла вложение на телефоне. В таблице стояли баллы: за количество приёмов, доступную цену базовых услуг, работу с бездомными животными, санитарную готовность, создание рабочих мест. Последняя строка была выделена серым: «Устойчивость хозяйственной модели после завершения льготного периода».

Она переслала документ Игорю.

Он позвонил сразу.

— Видишь? Устойчивость. Это то, что я тебе говорил.

— Там ещё работа с бездомными и санитарная готовность.

— По пять баллов. За оборот и рабочие места — двадцать пять.

— За нарушения минус сорок.

— Поэтому не нарушай.

— Очень полезный совет.

— Я серьёзно. Не превращай кабинет в приют. У тебя с первого утра уже бесплатный кот.

Лида посмотрела через стекло двери. Котёнок спал в переноске, которую она купила для выдачи животных после операций.

— Он уедет вечером.

— А следующий?

— Следующего ещё нет.

— В Бережске всегда будет следующий. Ты приехала открыть клинику, а не заполнить собой все дырки города.

— Иногда дырку сначала надо увидеть.

— Увидеть — да. Оплатить — нет. Я в пятницу привезу расчёт. Нам нужен поток: вакцинация, чипы, когти, анализы, товары. Лечение, которое занимает полдня и не оплачивается, оставим тем, у кого бессрочная аренда.

— То есть никому.

— Это не наша вина.

Лида присела на ступеньку. За путями звякнул сцепной механизм.

— Игорь, я не буду отказывать тяжёлому животному, потому что у него неудобный хозяин или длинное лечение.

— Я этого не сказал. Я сказал: нам нужен порядок приоритетов.

— Чей?

— Наш. Мы вложили деньги. Мы рискуем.

— Город вложил помещение.

— Вот город пусть и решает, как будет рисковать после первого сентября. До этого нам надо получить договор.

Он снова говорил разумно. Лида ненавидела спорить с разумностью, в которой отсутствовал только один маленький кусок действительности — живое существо, лежащее на столе. Но сегодня на столе никого не было. Был лишь спящий котёнок, найденная передержка и таблица, где помощь ему стоила пять баллов, а оборот — двадцать пять.

— Обсудим в пятницу, — сказала она.

— Записывай все бесплатные расходы.

— Записываю.

Она вернулась в кабинет и действительно записала: пелёнка, перчатки, раствор, капли, корм. Получилось тысяча триста сорок рублей по закупочным ценам. Рядом она написала номер сообщения Шатрова и время передачи. Строка стала похожа не на жалость, а на работу.

После трёх жара прижала город к земле. Асфальт у входа размягчился, дверь перестала закрываться без толчка. Лида вытерла пол четыре раза: пациенты приносили пыль, шерсть и воду из миски. Она успела принять ещё двух собак и кошку, которая проглотила резинку для волос неделю назад, но пока выглядела здоровой. Хозяйке кошки Лида объясняла признаки непроходимости, когда в клинику вошла заместительница главы города Вера Михайловна Сафонова.

Лида узнала её по фотографии на сайте администрации. Сафонова была невысокой, в светлом брючном костюме и закрытых туфлях, совершенно непригодных для пыльной площади. Она дождалась конца разговора и представилась.

— Я ненадолго. Хотела увидеть открытие без комиссии и лент.

— Лент не было.

— Поэтому я и пришла.

Она осмотрела смотровую, задержалась у журнала и спросила, сколько приёмов. Лида ответила честно: восемь платных, один бесплатный. Сафонова кивнула.

— Для первого дня хорошо.

— Вы тоже будете в комиссии?

— Буду. Но сегодня я не проверяю. Сегодня хочу понять, что вы считаете успехом.

Лида подумала о выручке, чистой первой строке, котёнке и Бублике, который почти не укусил.

— Чтобы через три месяца люди приходили сюда не потому, что больше некуда, а потому, что доверяют. И чтобы клиника могла платить за это доверие зарплаты и аренду.

— Красиво.

— Вы спросили, что я считаю успехом, а не что легко измерить.

Сафонова улыбнулась.

— Тогда трудный вопрос. Если для доверия придётся делать то, на чём клиника теряет деньги, сколько вы выдержите?

— Зависит от случая.

— Комиссия не любит ответы «зависит».

— Ветеринария на них держится.

За окном затормозила машина. Мужчина вынес из задней двери большую чёрную собаку. Та не наступала на переднюю лапу и скулила при каждом шаге.

Лида уже шла к двери.

— Простите.

— Вот и ответ, — сказала Сафонова.

Мужчина оказался водителем доставки. Собаку он нашёл у обочины за городом, ошейника не было. Он мог оставить пятьсот рублей и десять минут, потому что опаздывал. Лида

быстро проверила слизистые, дыхание, живот. Лапа была вывернута, на боку темнела ссадина. Нужен был снимок, но рентгена у неё не было.

— В областной клинике сделают сегодня, — сказала она. — Это сорок пять километров.

— Я не повезу. У меня смена.

— Тогда оставьте контакты.

— А собаку?

— Оставляйте.

Слово вырвалось раньше, чем Лида успела вспомнить Игоря. Водитель положил пятьсот рублей на подоконник, продиктовал номер и уехал, заметно облегчённый тем, что ответственность приняла форму чужого адреса.

Сафонова всё ещё стояла в коридоре.

— У вас есть место для неё?

— До вечера — да.

— А вечером?

Лида набрала номер приюта.

Шатров ответил сразу.

— Только не второй котёнок.

— Собака после машины. Нужен рентген и место после осмотра. Крупная, чёрная, без ошейника.

— Пол?

— Сука. Примерно четыре года.

— Везите на Заречную, двенадцать. Я найду машину до области.

— У меня приём до семи.

— Тогда я приеду.

— Вы даже не спросили, заразная ли она.

— Если бы подозревали заразное, сказали бы первым предложением.

Лида посмотрела на лежащую собаку. Та перестала скулить и следила за ней карими глазами.

— В шесть заберёте котёнка. Собаку надо везти раньше.

— Через двадцать минут буду.

Он отключился. Сафонова записала что-то в маленький блокнот.

— Это не проверка, — напомнила Лида.

— Конечно. Это память.

— Память потом голосует?

— Иногда.

Заместительница главы ушла, оставив после себя лёгкий запах цитрусовых духов. Лида ввела собаке обезболивающее, подложила под голову свёрнутое полотенце и села рядом на пол. Впервые за день ей стало страшно не из-за денег.

Через восемнадцать минут у заднего входа хлопнула калитка. Вошёл высокий мужчина в выцветшей серой футболке, рабочих брюках и ботинках, покрытых светлой пылью. Волосы у него были короткие, на левом предплечье тянулся свежий след от когтей. Он не протянул Лиде руку, сначала присел возле собаки.

— Антон Шатров, — сказал он, осматривая повязку.

— Лида Арсеньева.

— Машина через пять минут. Что ввели?

Она назвала препарат и дозу. Он повторил, чтобы запомнить, потом достал телефон и записал.

— Носилки есть?

— Складные. Новые.

— Уже не новые.

Вдвоём они перенесли собаку. Антон держал уверенно, но не пытался командовать. Когда животное дёрнулось, он остановился одновременно с Лидой, словно они заранее договорились о движении. Во дворе ждала старая белая машина с клеткой в багажнике. За рулём сидела девушка с рыжими волосами.

— Это Женя, наш волонтер. Заключение дадите?

— Я поеду с вами.

— У вас клиника.

— У меня пациент.

— И восемь минут до следующей записи, — сказал он, взглянув на лист у двери.

Лида тоже посмотрела. В пять был записан кот на повторную обработку. В половине шестого — прививка двум щенкам.

— Я могу перенести.

— Можете. Но не обязаны. Напишите всё, что нужно передать врачу. Женя отвезёт, я останусь у вас до передачи котёнка и заберу собаку после снимка.

— Вы предлагаете мне доверить пациента человеку, которого я вижу две минуты.

— Нет. Я предлагаю доверить его врачу областной клиники, которому вы сейчас позвоните. А транспортировку — волонтеру, чей паспорт можете сфотографировать.

В его голосе не было обиды. Только порядок действий. Лида неожиданно успокоилась.

Она позвонила в областную клинику, договорилась о снимке, написала назначения и закрепила лист на переноске. Женя без возражений показала паспорт. Машина уехала.

Антон вымыл руки у задней раковины и вернулся в коридор.

— Где котёнок?

— В пристройке. Передержка точно согласна?

— Точно на два дня. За это время найдём постоянную.

— А если нет?

— Тогда будем искать на третий день.

— Это не план.

— Это наш обычный план.

Он подошёл к двери изолятора и остановился перед порогом.

— Можно?

Лида кивнула. Этот простой вопрос она отметила почти против воли. За день сюда входили люди с папками, кабелем, животными и собственными представлениями о том, что им положено. Шатров был первым, кто спросил разрешения.

Котёнок проснулся и зашипел из переноски.

— Грозный, — сказал Антон.

— Шестьсот двадцать граммов угрозы.

Он присел, прочитал карточку и проверил, закрыта ли дверца.

— Лекарства вы оплатили?

— Да.

— Пришлите сумму. Вернём из пожертвований.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что это мой первый день и мой первый бесплатный пациент.

Антон поднялся.

— Вы покупаете красивую историю для комиссии?

Лида почувствовала, как усталость разом превратилась в злость.

— Я оплачиваю капли котёнку.

— Тогда тем более пришлите сумму. Благотворительность не должна зависеть от настроения одного человека. Сегодня вам приятно, завтра дорого, послезавтра Игорь запретил — а животное уже рассчитывает на помощь.

— Откуда вы знаете про Игоря?

— На договоре аренды две фамилии. Я читаю городские документы.

— На досуге?

— По работе. Приют тоже зависит от решений комиссии.

Лида закрыла переноску лёгким покрывалом, чтобы котёнок успокоился.

— Хорошо. Я пришлю расходы. Но сегодня он остаётся моим бесплатным пациентом.

— Пусть. Только не делайте из бесплатности право решать за всех.

Он сказал это спокойно и вышел в коридор. Лида смотрела ему вслед, не находя ответа, который не прозвучал бы детским. Ей хотелось напомнить, что без неё котёнок оказался бы у гаражей. Но без Миши он не попал бы в клинику, без матери мальчика нельзя было бы начать лечение, без Шатрова не нашлась бы передержка. Даже в первый день ни одно доброе дело не принадлежало ей целиком.

В семь двадцать последний пациент ушёл. Женя сообщила, что у собаки перелом лучевой кости без смещения; её оставляли в области до утра. Антон забрал котёнка, расписался в журнале передачи и унёс переноску к машине.

— Вернёте переноску, — сказала Лида с порога.

— Обязательно. У приюта нет денег воровать новые вещи.

— Это была не шутка.

— У меня тоже.

Он закрыл дверцу машины и посмотрел на вывеску.

— До сентября?

— Что?

— На площади говорят, клиника до сентября.

— Договор до сентября. Клиника — как получится.

— Обычно в Бережске это значит «до сентября».

— Обычно я здесь ещё ничего не делала.

Антон кивнул, будто ответ его устроил, но спорить он собирался не словами.

Когда машина скрылась за углом, Лида заперла дверь и перевернула табличку. В кассе было двенадцать тысяч триста рублей. Расходов — больше, если считать день аренды, связь, лекарства котёнку и половину стоимости вывески. Она вымыла столы, вынесла мусор и закончила журнал. Напротив каждой фамилии стояли услуга, сумма и подпись. Напротив животных без владельца — два номера телефонов и обещания, которые ещё предстояло проверить.

На улице стемнело только к десяти. Лида вышла с ведром грязной воды во двор и остановилась. Вывеска снова стукнула один раз. Не буква «К» — от стены отходил правый угол сменной полосы. Она принесла стремянку, поднялась и затянула второй винт.

С высоты были видны площадь, крыши и далёкий переезд. Бережск не казался ни уютным, ни чужим. Он просто существовал вокруг неё, не обещая принять и не торопясь выгонять.

Лида провела пальцем по словам «Работаем ежедневно». Потом достала маркер и на внутренней стороне вывески, там, где никто не увидит с улицы, написала дату: первое июня.

До решения комиссии оставалось восемьдесят пять дней.

Глава 2. Приют за железной дорогой

Утром второго июня Антон пришёл за семь минут до открытия и принёс переноску, которую обещал вернуть. Она была вымыта так тщательно, что на пластике остались белёсые полосы от слишком крепкого раствора. На крышке лежал прозрачный файл с чеками за лекарства котёнку и распиской женщины, взявшей его на передержку.

— Доброе утро, — сказала Лида, придерживая дверь плечом. — Вы всегда возвращаете вещи до того, как их успевают потребовать?

— Только чужие. Свои можно искать неделями.

Он поставил переноску у стены, снял с плеча рюкзак и достал ещё одну папку. В ней лежали снимок чёрной собаки, выписка из областной клиники и лист с назначениями. Бумаги были сложены по времени, а не по размеру. Лида невольно одобрила.

— Как она?

— Ночь провела спокойно. Перелом без смещения подтвердили. Операция не понадобилась, наложили жёсткую повязку. Врач сказал показать вам сегодня, если вы согласны вести дальше.

— Собака где?

— В машине с Женей. Я сначала хотел спросить.

Лида взяла выписку. Спросить было правильно, но после вчерашнего разговора звучало почти как проверка: станет ли новая клиника лечить найденное животное на второй день, когда красивую историю открытия уже услышали все нужные люди.

— Вносите. Только через задний вход. Пока мы не знаем её прививочный статус и чем она болела до машины, с плановыми пациентами ей пересекаться нельзя.

— Поэтому и приехали до открытия.

Он вышел во двор. Через минуту Женя подогнала белую машину к калитке. Чёрная собака лежала в клетке, вытянув забинтованную переднюю лапу. После обезболивающего она выглядела терпеливой, но при попытке поднять нос начинала мелко дрожать.

Лида раскрыла носилки. Антон занял место у головы, Женя — у таза. Никто не говорил «осторожно», потому что каждый и так видел, где нельзя тянуть. Они перенесли собаку в пристройку, где вчера сидел котёнок. За ночь Лида успела убрать мешки со смесью, отмыть раковину и поставить старую клетку, одолженную у ветеринарной станции. Клетка была слишком узкой для крупного животного, поэтому на полу лежал резиновый коврик, сверху — два одеяла.

— Здесь пока нельзя держать пациента постоянно, — сказала Лида. — Вытяжка не запущена, слив надо переделать, стены покрашены не до потолка. Для осмотра годится. Для настоящего карантина — нет.

Антон оглядел отдельную дверь, окно под потолком и свежую плитку у раковины.

— В приюте помещение хуже.

— От этого моё не становится готовым.

— Я не спорю.

— Вы произносите это так, будто спор уже отложили на потом.

— У нас собака на носилках. Всё остальное действительно потом.

Лида не нашла, что возразить, и занялась пациенткой. Температура была нормальной. Слизистые розовые, дыхание ровное, повязка сухая. Под шерстью на боку обнаружили старые ссадины и несколько проросших семян череды. На животе темнел расплывчатый след от прежнего шва: когда-то собаку стерилизовали.

— Чипа нет, — сказала Лида после проверки. — Клейма тоже. Но она жила с людьми. Зубы чистые, когти не запущены, стерилизована аккуратно.

Женя провела ладонью в воздухе над собачьей спиной, не касаясь.

— В группе никто не узнал. Я выложила во все городские сообщества.

— Выложите ещё снимок шва и белое пятно на груди. Морду пока не надо крупно: найдётся пять хозяев, если решат, что порода дорогая.

— Она беспородная, — сказал Антон.

— Это не мешает людям придумывать родословную, когда хотят получить ухоженную собаку бесплатно.

Он коротко кивнул. Лида сняла повязку, проверила кожу и снова зафиксировала лапу. Собака ни разу не огрызнулась. Только в самый болезненный момент повернула голову к Антону и упёрлась лбом ему в запястье. Он не гладил её и не говорил ласковых слов, а просто оставил руку на месте, чтобы опора не исчезла.

— Обезболивание ещё четыре дня, — сказала Лида. — Покой не меньше трёх недель, контрольный снимок через десять дней. Повязку держать сухой. Если пальцы отекут или станут холодными — сразу сюда.

— Сколько стоит ведение?

— Первичный осмотр после области — тысяча двести. Перевязки по пятьсот. Снимок придётся делать там же, у меня аппарата нет.

Женя полезла в рюкзак, но Антон остановил её.

— Выпишите счёт приюту.

— У приюта есть деньги на счёте?

— На эти расходы нет. Оплатим из пожертвований.

— Тогда это не счёт приюту, а сбор на конкретную собаку.

— Именно.

Лида посмотрела на него. Вчера она решила, что он отказывается от бесплатной помощи из гордости. Сегодня поняла: гордость тут была ни при чём. Антон не хотел, чтобы между приютом и клиникой возник долг, размер и условия которого зависели от чужого настроения. Даже хороший поступок он превращал в запись с суммой и подписью.

— Вчерашний осмотр я не считала, — сказала она.

— Посчитайте.

— Я уже закрыла день.

— Тогда сегодняшней.

— Вы привезли пациента до открытия, сами организовали область, вернули переноску и приложили чеки. Можно хотя бы часть работы не превращать в квитанцию?

— Можно. Вашу личную. Но клиника принадлежит не только вам.

Игорь ещё не успел приехать, но его присутствие вдруг стало ощутимым в пустом коридоре. Лида положила выписку на стол.

— Вы всем напоминаете, кто чем не владеет?

— Когда речь о животных, которые завтра снова попросят помощи, да.

— А если денег не соберёте?

— Будем должны.

— И я должна буду прекратить лечение?

— Нет. Вы решите, можете ли продолжать за свой счёт. Только это будет решение, а не привычка, которую от вас однажды потребуют как обязанность.

Лида открыла кассовую программу и внесла тысячу двести рублей как отсроченную оплату. В строке плательщика написала: «Городской приют, сбор на лечение найденной собаки». Антон прочитал, расписался в карте и попросил копию.

— Теперь вы довольны?

— Нет. Но порядок есть.

— Удивительно утешительный человек.

— Мне говорили.

Женя фыркнула и отвернулась к окну. Лида заметила у Антона едва обозначившуюся улыбку. Она меняла его лицо сильнее, чем ей хотелось отмечать.

В приют собаку надо было отвезти до первого планового пациента. Лида дала чистое одеяло и собиралась закрыть клетку, когда животное попыталось подняться. Повреждённая лапа осталась на весу, задние разъехались по гладкому пластику. Антон подхватил её под грудь.

— Там есть место, где она не будет ходить? — спросила Лида.

— В бытовке освободили угол.

— На полу?

— На старом диване.

— Она с него свалится.

— Положим матрас.

— Другие собаки туда входят?

— Две дежурные. Закроем дверь.

— Кто следит ночью?

— Сторож обходит территорию раз в два часа.

Каждый ответ был приемлемым по отдельности и тревожным вместе. Лида посмотрела на часы. До открытия оставалось двадцать пять минут.

— Я поеду с вами.

— Зачем?

— Посмотрю место и покажу сторожу, что проверять. Вернусь к девяти.

— Это пять километров и переезд.

— Вы знаете короткую дорогу?

— Знаю. Но не уверен, что вам понравится.

— Мне не экскурсия нужна.

Лида написала на двери номер телефона и просьбу позвонить, если она задержится. Женя пересела назад к собаке, Антон сел за руль, а Лида устроилась рядом. В машине пахло мокрой шерстью, дешёвым кофе и средством для мытья клеток. На панели лежали рулон мусорных пакетов, три поводка и отвёртка.

Они выехали с Советской, миновали рынок и свернули к железной дороге. Бережск кончился неожиданно: последние двухэтажные дома остались за спиной, асфальт стал серой крошкой, а вдоль обочины потянулись гаражи. За ними стоял переезд. Шлагбаум был опущен, хотя поезда не было видно.

— Поэтому приют называют дальним, — сказал Антон. — По карте близко. По шлагбауму как повезёт.

— И сколько стоите?

— Иногда двадцать минут. Скорая тоже стоит.

— Через пути нет другого проезда?

— Есть под мостом, но после дождя там вода по ступицу. Зимой чистят последним.

Лида посмотрела на часы. Восемь сорок две. С той стороны уже собралась очередь машин, а между рельсами неподвижно стоял товарный состав. От вагона к вагону шли одинаковые коричневые стенки, как забор без калитки.

— Вы специально выбрали это место?

— Землю выделил город. Здесь раньше была база дорожной службы. Людям лай не мешает.

— Людям удобно, когда последствия их решений не слышно.

Антон повернул к ней голову, но ничего не сказал. Она поняла, что попала точно и потому получила не согласие, а молчание.

Шлагбаум поднялся в восемь сорок семь. Машина пересекла пути, свернула на грунтовку и через три минуты остановилась у сетчатых ворот. За ними одновременно заголосили десятки собак. Звук ударил не громкостью, а количеством: басовитый лай, визг, хрип, частое тьяканье складывались в сплошную стену.

Над воротами висела доска «Городской приют». Слово «городской» было закрашено свежей синей краской, остальные буквы выцвели. По обе стороны от входа тянулся металлический забор, собранный из разных листов. За ним виднелись ряды вольеров и низкое кирпичное здание с трубой.

— Почему закрашено? — спросила Лида.

— Потому что юридически мы автономная некоммерческая организация. Город оплачивает отлов по договору и даёт землю. Всё остальное — наше.

— Тогда почему доску не заменили?

— Новая стоит как два мешка корма.

Женя открыла ворота, и они въехали внутрь. Антон заглушил двигатель, но не торопился выходить. Сначала позвонил кому-то и попросил закрыть собак в дальнем выгуле. Через минуту лай переместился за здание.

— Теперь можно, — сказал он. — Здесь не все умеют встречать машину спокойно.

Лида ожидала грязи и беспорядка, но увидела другое: тесноту, выношенные вещи и следы бесконечного ремонта. Проходы были подметены. Возле каждого вольера висела табличка с именем, возрастом и цветными отметками. Миски стояли на одинаковой высоте, хотя сами были разными. Новая сетка соседствовала с проволокой, закрученной плоскогубцами. Над одним рядом натянули зелёный тент, над другим крышей служили старые рекламные щиты, повёрнутые надписями вверх.

К ним подошла женщина лет шестидесяти в резиновых сапогах и ситцевом халате поверх спортивных брюк.

— Куда её? — спросила она.

— В бытовку, Галина Петровна. Это Лида Андреевна, новый ветеринар. Покажет, как следить за повязкой.

— Новый до осени?

Лида услышала это второй раз меньше чем за сутки.

— Пока до конца августа, — ответила она. — Дальше решит комиссия.

— Комиссия решит, а нам привыкать.

Женщина сказала без злости и распахнула дверь. В бытовке стояли стол, чайник, шкаф с лекарствами и продавленный диван. У стены уже лежал матрас, накрытый чистой клеёнкой. Рядом поставили таз с водой и картонную коробку с надписью «Пелёнки, не тряпки».

Они перенесли собаку на матрас. Та обнюхала клеёнку, вздохнула и положила морду на лапы. Лида показала Галине Петровне пальцы под повязкой.

— Проверяйте каждые два часа. Они должны быть тёплыми, без сильного отёка. Нажимаете сюда: кожа побелела и быстро порозовела — хорошо. Если не розовеет, если повязка промокла или она начала её грызть — звоните сразу.

— Ночью тоже?

— Особенно ночью.

— Шатров, записывай, — велела женщина. — А то я запомню, ты забудешь.

— Уже записал.

Он показал телефон. Галина Петровна удовлетворённо кивнула и присела рядом с собакой.

— Имя ей надо.

— Пока номер сто восемьдесят семь, — сказал Антон.

— Живое номером не позовёшь.

— Позовёшь. Она голову поднимает.

— У тебя тоже имя есть, хотя не всегда помогает.

Лида улыбнулась. Галина Петровна заметила это и посмотрела на неё внимательнее.

— Назовём Черникой, — решила она. — Чёрная и пятно на груди, как молоко пролили.

— Черника с молоком бывает в тарелке, — сказал Антон.

— Вот и не спорь до завтрака.

Собака подняла голову на слово «Черника». Вопрос оказался решён.

До девяти оставалось девять минут. Лида могла бы уехать сразу, но из соседней комнаты донёлся кашель — сухой, надсадный. Она открыла дверь и увидела три кошачьи переноски на стеллаже. В верхней сидел рыжий кот, в двух нижних лежали пёстрые кошки.

— Вы сказали, у вас три кошки в бытовке.

— Так и есть, — ответил Антон.

— Одна кашляет.

— Рыжий. Третий день. Аппетит есть, выделений нет. Ветеринар станции обещал посмотреть вечером.

— Почему не привезли со всеми?

— Потому что записывались с собакой. И потому что вы только что объяснили, что неизвестный пациент не должен пересекаться с плановыми.

— Можно было сказать.

— Можно. Но вы бы стали смотреть и опоздали к тем, кто записался.

Лида взглянула на рыжего кота. Он дышал спокойно, глаза были чистые. Прямой опасности не было.

— Снимите видео кашля. Если станет дышать ртом, откажется от еды или появятся выделения — звоните и везите отдельно. Не ждите вечера.

— Хорошо.

— И обработку от паразитов всем троим, если не делали.

— Делали неделю назад. Записи показать?

— Верю.

— Это обязательно.

Он достал из шкафа журнал. На каждой странице были дата, вес, препарат, доза и фамилия человека, который дал лекарство. Почерк менялся, порядок — нет.

— Вы всех так ведёте? — спросила Лида.

— Стараемся. Иначе сорок семь собак превращаются в сорок семь версий правды.

В его фразе не было желания впечатлить. Он уже смотрел на часы и собирался отвезти её обратно. Лида листнула ещё страницу. У некоторых собак вместо имени стоял номер, рядом — дата поступления, место отлова, прививки, стерилизация, особенности поведения. В графе «выход» чаще писали «дом», реже — «возврат владельцу». Несколько строк заканчивались словом «умер».

— За май сколько пристроили?

— Шесть.

— Поступило?

— Девять.

— Значит, стало на три больше.

— Да.

— А мест?

— Сорок.

Лида закрыла журнал. За стеной снова поднялся лай, будто собаки услышали арифметику.

— Где остальные семь?

— Две в бытовке по ночам, трое в карантинных клетках, двое на передержке у волонтеров.

— Карантинные клетки покажете?

Антон посмотрел на часы.

— Вы опоздаете.

— Покажите быстро.

Он вывел её во двор и провёл за кирпичное здание. Там под навесом стояли три металлические клетки, отделённые от общего ряда пустым проходом шириной в два шага. В первой метался молодой пёс с обрывком верёвки на шее. Во второй лежала старая собака с мутными глазами. Третья была пуста, но на поддоне темнело влажное пятно.

— Это не карантин, — сказала Лида.

— Я знаю.

— Здесь один воздух, общий слив и люди ходят из ряда в ряд в той же обуви.

— Я знаю.

— Тогда не называйте так.

— Назовите иначе — условия не изменятся.

Она повернулась к нему. Он стоял достаточно близко, чтобы ей не приходилось повышать голос, и достаточно спокойно, чтобы раздражение не находило привычной опоры.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросила Лида.

— Вы сами поехали.

— Могли отговорить.

— Пытался.

— Нет. Вы сказали, что дорога мне не понравится. Это не попытка, а приманка.

— Я привёз собаку на лечение. Если вы увидели приют — хорошо. Но скидку за увиденное не прошу.

— А что просите?

— Назначения для Черники. Честный счёт. Звонок, если вы видите риск, который мы пропустили.

— И всё?

— На сегодня — всё.

Это «на сегодня» разозлило её сильнее требования. Оно предполагало завтра и послезавтра, будто клиника уже стала частью города, хотя договор отмерял ей только лето.

— Этих собак нельзя считать изолированными, — сказала Лида. — Если одна принесёт инфекцию, вы понесёте её по всему приюту на подошвах.

— Поэтому новых держим здесь десять дней и обслуживаем последними.

— Это уменьшает риск, но не убирает.

— У нас нет другого здания.

— В городе должно быть место.

— Должно.

Антон сказал это без надежды и без привычного «денег нет». Лида посмотрела на пустую клетку. На двери висел карабин, отполированный множеством рук. В её пристройке были отдельный вход и вода, но пока не было разрешения. Здесь были животные и люди, которые каждый день делали вид, что навес способен заменить стену.

— Я закончу блок, — сказала она.

— Для своей клиники.

— Для изоляции животных.

— Клиентов клиники.

— Если останется место, можно будет принимать найденных.

— Остаток — плохая система.

— А что вы предлагаете? Отдать вам помещение, в которое я вложила деньги?

— Ничего не предлагаю. Вы спросили, что мне нужно сегодня. Я ответил.

Лида уже открыла рот, но со стороны ворот крикнула Женья:

— Антон, шлагбаум опять закрыли!

Было девять ноль три.

Лида побежала к машине. На ходу позвонила первому записанному клиенту, извинилась и попросила подождать пятнадцать минут. Женщина ответила, что уже стоит у двери с кошкой, которая ненавидит переноску и весь мир. На переезде очередь начиналась у поворота.

— Под мост, — сказала Лида.

— Там грязь.

— У вас машина пройдёт?

— Пройдёт.

— Тогда едем.

Антон свернул на узкую дорогу вдоль путей. В колеях стояла вода после ночного полива полей, ветки били по бокам машины. Под мостом стало темно и прохладно. Лужа оказалась глубже, чем обещал её неподвижный блеск. Машина вошла в неё медленно, вода поднялась до дверей.

— Если заглохнем, — сказала Лида, — кошка у клиники получит прекрасное подтверждение своим взглядам на мир.

— Не заглохнем.

— Вы всегда так уверены?

— Нет. Только когда поздно разворачиваться.

Колёса на секунду потеряли сцепление. Антон не прибавил газ, выровнял руль и дал машине самой найти твёрдое дно. Лида поймала себя на том, что смотрит не на воду, а на его руки. Длинные пальцы лежали на руле свободно, без показной силы. На левом предплечье вчерашняя царапина уже потемнела.

Они выбрались на сухую дорогу. Лида отвернулась к окну.

— Вам надо обработать руку.

— Обработал.

— Повязку почему не наложили?

— Потому что царапина поверхностная.

— Значит, вы всё-таки умеете слушать ветеринара.

— Когда речь обо мне, выбор шире.

У клиники они остановились в девять семнадцать. Женщина с кошкой сидела на ступеньке. Увидев грязную машину, Лиду в рабочих брюках и Антона за рулём, она приподняла брови, но ничего не спросила.

— Спасибо, — сказала Лида, выбираясь.

— За опоздание?

— За то, что не заглохли.

— Счёт выставить?

Она захлопнула дверь прежде, чем улыбка стала заметной.

До полудня Лида почти не выходила из смотровой. Кошка действительно ненавидела весь мир, особенно термометр. Потом пришёл спаниель с воспалённым ухом, кролик с переросшими резцами и пожилой мужчина, который принёс в банке клеща, снятого с собаки три недели назад. Между приёмами Лида отвечала на сообщения Жени: Черника поела, выпила воду, пыталась встать, была остановлена Галиной Петровной и выразила несогласие долгим вздохом.

В половине первого Антон прислал фотографию. Черника лежала на матрасе, положив голову на сложенное одеяло. На стене над ней висел лист крупными буквами: «НЕ ДАВАТЬ

ВСТАВАТЬ. ПАЛЬЦЫ ПРОВЕРИТЬ В 12, 14, 16». Внизу Галина Петровна добавила ручкой: «Антону тоже».

Лида увеличила снимок и проверила видимую часть повязки. Потом сохранила фотографию в карту пациента. На сообщение ответила одним словом: «Хорошо».

Антон написал: «Это про собаку или про порядок?»

Она не ответила. Через минуту всё-таки добавила: «Про собаку. Порядок проверю вечером по журналу».

На этот раз он прислал значок поднятого большого пальца. Лида раздражённо положила телефон экраном вниз. Раздражение продержалось меньше минуты.

После обеда позвонил Игорь.

— Как второй день?

— Есть записи. До вечера почти без окон.

— Вот это мне нравится. Средний чек?

Лида открыла программу.

— Пока тысяча четыреста.

— Мало, но начало. Что в отсрочке?

Она замолчала. Игорь умел слышать паузы в денежных разговорах лучше, чем слова.

— Лида.

— Собака после ДТП. Из приюта. Тысяча двести за осмотр, перевязки дальше отдельно.

— Отсрочка до какого числа?

— До сбора пожертвований.

— То есть без даты.

— Они оплатят.

— Кто «они»?

— Приют. Горожане. Волонтёры.

— Тот мужчина вчерашний?

— Его зовут Антон Шатров.

— Отлично. Пусть Шатров подпишет гарантийное письмо.

— На тысячу двести?

— На правило. Если мы сейчас покажем, что у нас можно лечить в долг без срока, через неделю очередь будет до площади.

Лида вспомнила семь лишних собак, клетки под навесом и старый рекламный щит вместо крыши.

— Очередь до площади комиссии понравится.

— А касса без денег — нет.

— Я веду отдельный учёт.

— Учёт долга не превращает его в выручку. В пятницу покажу тебе модель. Осмотры, вакцинация, анализы, аптечная витрина. Лечение тяжёлых случаев — в область. У нас не госпиталь.

— У нас клиника.

— Название на вывеске ничего не гарантирует.

Лида посмотрела в коридор. В самом конце была дверь пристройки. Пока та оставалась приоткрытой, свежая белая плитка казалась продолжением клиники. Если поставить перед ней стеллаж с кормами, покупатели перестанут замечать, что за стеной могла находиться изоляционная комната.

— Привези расчёт, — сказала она. — Я посмотрю.

— Не только посмотри. Мы оба вложились.

— Я помню.

— Хорошо бы не только когда нужен перевод.

Он отключился. Лида ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом внесла в карту Черники стоимость всех материалов: бинт, подкладочную вату, пелёнку, перчатки. Получилось триста восемьдесят шесть рублей сверх осмотра. Она не добавила эту сумму к счёту, но и не спрятала.

В семь вечера пришла оплата. Сбор закрыла женщина по имени Лариса, написавшая в назначении перевода: «Чёрной собаке у Шатрова». Антон переслал подтверждение и спросил, нужен ли кассовый чек на имя жертвователя или приюта. Лида оформила на приют и отправила копию.

«Теперь порядок?» — спросил он.

«Теперь долг закрыт».

«Это иногда одно и то же».

Лида хотела написать, что нет, но в клинику вошла Вера Михайловна Сафонова. Сегодня на ней не было светлого костюма, только джинсы и свободная рубашка. На поводке она вела пожилого белого терьера.

— В этот раз официально как хозяйка, — сказала заместительница главы. — У Фили снова слезится глаз.

Лида пригласила их в смотровую. Пока она проверяла глаз и промывала слёзный канал, Сафонова рассказывала, что Филя не любит капли, зато охотно терпит любые процедуры за кусочек сыра. После осмотра Лида выписала средство и предупредила, что сыр лучше заменить обычным кормом.

— Уже заработали очередь? — спросила Сафонова, надевая поводок.

— Небольшую.

— Шатров утром возил вас в приют.

Это не было вопросом.

— Я проверяла место для собаки после перелома.

— И как впечатления?

Лида закрыла карту Фили. Перед глазами стояли три клетки под общим навесом. Она могла сказать, что приюту нужны деньги, новое здание, дорога, люди. Всё это было правдой и звучало бы как просьба, на которую у чиновницы заранее существовал ответ.

— У них хороший учёт и плохая изоляция, — сказала Лида. — Люди работают аккуратно, но помещение не позволяет отделить новых животных по-настоящему. Это санитарный риск для всего города.

— Шатров давно просит капитальный модуль.

— Почему не дали?

— Потому что он стоит денег, которых в бюджете нет. А ещё потому, что приют не городской, когда просит ремонт, и городской, когда жители жалуются на стаи. Очень удобная двойственность для всех, кроме собак.

— Вы член комиссии.

— Будущей комиссии по вашему помещению, а не распорядитель всех городских денег.

— Но в критериях есть санитарная польза.

Сафонова посмотрела на дверь пристройки.

— Блок согласуют?

— Если я закончу вытяжку, слив и документы.

— Тогда у Бережска впервые появится законное место для краткой изоляции собак.

— При моей клинике.

— Разумеется.

Это слово прозвучало слишком легко. Лида вдруг ясно увидела будущий разговор: город оставит ей помещение, потому что здесь есть карантинный блок; затем будет считать блок городским ресурсом, потому что помещение муниципальное. Она вложит деньги и работу,

Игорь потребует прибыль, приют — доступ, комиссия — пользу, а ключ останется у неё в кармане, будто вместе с ним можно удержать все противоречия.

— Я не обещала принимать животных приюта бесплатно, — сказала она.

— Я и не прошу.

— И размещать их по первому звонку тоже.

— Это решает ветеринар.

Сафонова расплатилась, взяла Филю на руки и направилась к двери. На пороге остановилась.

— Только решите заранее, Лидия Андреевна, по каким правилам. Когда случается беда, времени придумывать их уже нет.

После её ухода Лида заперла вход и прошла в пристройку. Вечернее солнце падало через высокое окно прямоугольником, в пыли плавали мелкие золотые точки. На стене были отмечены места будущей вытяжки. Возле двери лежал новый порог, который мастер обещал поставить завтра. Комната ещё не стала карантинным блоком, но уже перестала быть складом.

Лида представила здесь Чернику на чистом матрасе. Потом молодого пса из клетки под навесом. Потом хозяйскую кошку, которая утром ненавидела весь мир и всё же имела право не дышать одним воздухом с неизвестной инфекцией. Одно помещение нельзя было отдать всем одновременно. Даже если все одинаково заслуживали помощи.

Телефон завибрировал. Антон прислал вечернюю запись: температура Черники нормальная, пальцы тёплые, повязка сухая, обезболивающее дано в двадцать ноль-ноль. Ни просьбы, ни фотографии, ни напоминания о приюте.

Лида ответила: «Завтра перевязка в 8:20. Через задний вход».

Он написал: «Оплатим по чеку».

Она усмехнулась и убрала телефон. Потом взяла лист бумаги и вывела сверху: «Временные правила изоляционной комнаты». Ниже написала первый пункт: решение о размещении принимает ветеринар по степени риска, а не по знакомству, оплате или принадлежности животного.

Строка выглядела убедительно, пока была одна. Лида оставила под ней пустое место.

За окном прошёл поезд. От далёкого грохота дрогнуло стекло, и ей на секунду показалось, что она снова стоит у клеток за железной дорогой. Но здесь пахло краской, чистой плиткой и будущим, которое ещё можно было устроить правильно.

До решения комиссии оставалось восемьдесят четыре дня.

Глава 3. Комната с отдельным входом

В среду утром мастер по вытяжке не пришёл. В девять десять он написал, что машина не завелась, в десять пообещал быть после обеда, а в половине первого перестал отвечать. К этому времени у Лиды закончился приём, Черника уехала после перевязки, и единственным признаком будущего карантинного блока оставалась круглая дыра под потолком.

Через неё в комнату залетела оса. Она несколько раз ударилась о стекло и села на белую плитку.

Лида открыла окно.

— Вот и первая проверка воздухообмена, — сказала она.

Оса не оценила шутки. Пришлось накрыть её пластиковым стаканом и выпустить во двор.

На пороге стоял Антон. Сегодня он привёз Чернику один, без Жени. На футболке темнело мокрое пятно от собачьей морды, в руке был кассовый чек за вчерашний осмотр.

— Я думал, вы разговариваете с мастером.

— Мастер хотя бы иногда отвечает.

— Значит, не со мной.

Он поставил на стол бумажный пакет.

— Галина Петровна передала пирожки. Сказала, что врач, который ездит в приют до завтрака, принимает сомнительные решения и должен быть накормлен.

— Я взяла деньги за осмотр.

— Поэтому пирожки не взятка, а критика образа жизни.

Лида заглянула в пакет. Пирожки пахли капустой и укропом. Она не успела позавтракать и потому закрыла пакет прежде, чем благодарность стала слишком заметной.

— Как Черника?

— Пытается ходить на трёх лапах. Галина Петровна переставила свой стул к матрасу и сторожит.

— Повязка?

— Сухая. Пальцы тёплые. Всё записано.

— Тогда зачем приехали?

— Привёз справку о том, что приют готов оплачивать лечение по счетам. Вы сказали, партнёру нужна бумага.

— Я сказала это вам?

— Нет. Вы разговаривали с ним в коридоре. Дверь была открыта.

Лида почувствовала раздражение, хотя ничего тайного Игорь не произнёс.

— Подслушивать нехорошо.

— Согласен. Поэтому и предупреждаю, что слышал.

Он протянул письмо. В нём приют подтверждал обязанность оплачивать согласованные услуги после сбора пожертвований, но не позднее тридцати дней. Под текстом стояла подпись Антона и печать организации.

— Устроит?

— Игоря — возможно.

— А вас?

— Меня устроила вчерашняя оплата.

— Бумага нужна не для вчера.

Лида посмотрела на него поверх листа.

— Вы уже собираетесь привозить следующих?

— В приюте сорок семь собак. Угадайте.

В дверь клиники постучали. На ступеньках стоял невысокий мужчина с инструментальным ящиком и длинной алюминиевой трубой.

— Вентиляция, — сообщил он так, словно прибыл раньше назначенного.

Лида впустила его. Мастера звали Сергей. Он снял размеры, заглянул в отверстие и сказал, что прежний канал выходит не на крышу, а в общий чердак.

— Так нельзя, — сказала Лида.

— Работать будет.

— Воздух из изоляционной комнаты попадёт на чердак, а оттуда — в основное помещение.

— Тогда тянуть по фасаду. Дороже.

— Насколько?

Сергей назвал сумму. Лида переспросила, надеясь, что ослышалась. Он повторил и добавил стоимость решётки, обратного клапана и высотных работ.

— В смете было вдвое меньше.

— В смете канал считали готовым.

— Вы сами его смотрели.

— Я смотрел отверстие. Куда оно выходит, без доступа на чердак не видно.

Лида достала телефон. На счёте клиники после закупки лекарств оставалось достаточно, но через неделю надо было платить вторую часть за стерилизатор и зарплату помощнице, которая должна выйти с понедельника.

— Сколько времени?

— Если труба есть — день. Если заказывать — неделя.

— Труба у вас в руках.

— Это три метра. Нужно семь.

Антон всё ещё стоял у двери.

— У нас за мастерской лежат оцинкованные секции, — сказал он. — Остались после ремонта кухни. Диаметр, кажется, такой же.

Сергей измерил трубу рулеткой.

— Сто двадцать пять.

— У нас либо сто двадцать пять, либо сто тридцать. Могу проверить.

Лида сложила руки на груди.

— Секции принадлежат приюту?

— Нам их отдали строители.

— С документами?

— С запиской «заберите, пока не выбросили».

— Для согласования мне нужны чеки на материалы.

Сергей пожал плечами.

— Можно акт на бывшие в употреблении. Но инспектор может попросить сертификат.

— Попросит, — сказала Лида.

Антон не стал уговаривать.

— Тогда не подходит.

Сергей ушёл звонить поставщику. Лида положила письмо приюта на стол.

— Спасибо за предложение.

— Оно не сработало.

— Это не значит, что благодарить нельзя.

— Обычно люди благодарят так, будто после этого должны взять.

— Вы очень странно обращаетесь с помощью.

— Часто обращаюсь.

Он посмотрел на дыру под потолком.

— Почему вам обязательно закончить сейчас? Разрешение всё равно будут делать месяц.

— Потому что сначала акт по помещению, потом заявление. Без готовой вытяжки заявление даже не примут. Комиссия по аренде увидит работающий блок, а не обещание.

— Игорь согласен доплатить?

— Это наша клиника.

— Я спросил не об этом.

— А я ответила достаточно.

Антон кивнул и вышел, не попрощавшись. Лида рассердилась на него за вопрос, на себя — за ответ, на Сергея — за чердак и больше всего на Игоря, хотя ещё не успела ему позвонить.

Игорь ответил сразу.

— Сколько?

Она назвала сумму.

— Нет.

— Ты даже не видел расчёт.

— Вижу разницу между обязательным ремонтом и дорогой игрушкой. Отдельная комната нужна, отдельная труба по фасаду — нет.

— Нужна. Иначе вытяжка гонит воздух в общий чердак.

— Поставь фильтр.

— Фильтр не заменяет вывода наружу.

— Тогда отложи. Начнём зарабатывать, потом доделаем.

— Без этого не примут документы.

— На аптечную витрину документы уже есть. На кабинет приёма тоже. Лида, нам дали три месяца не для того, чтобы ты построила городу инфекционную больницу.

— Я строю одну комнату.

— За деньги, которых она не вернёт.

— Блок входит в критерии санитарной пользы.

— Критерий не платит аренду после льготного срока.

Лида вышла во двор, чтобы Сергей не слышал разговор. На противоположной стене висела новая вывеска. Под ней ожидали две женщины с таксой. Одна читала часы работы, другая рассматривала Лиду.

— Я оплачу разницу из своей части, — сказала Лида.

— У нас нет твоей и моей части расходов. У нас доли и общий счёт.

— Тогда оформим как дополнительный вклад.

Игорь замолчал.

— Ты понимаешь, что увеличиваешь собственный риск?

— Понимаю.

— Нет. Ты доказываешь городу, что готова за свои деньги закрывать его обязанности. Это удобный человек, Лида. Но не обязательно хороший предприниматель.

— Приедешь в пятницу — обсудим.

— Мы уже обсуждаем.

— Нет. Ты говоришь «нет» из другого города. Я смотрю на дыру в стене.

Она отключилась, прежде чем он успел ответить. Такой приём она ненавидела в нём и не любила в себе. Но если разговор продолжится, Игорь приведёт ещё десять разумных доводов, а труба от этого не станет дешевле.

Сергей нашёл нужные секции на складе в области. С доставкой их могли привезти к вечеру. Лида подписала заказ и перевела аванс со своей карты.

— На клинику чек делать? — спросил мастер.

— На клинику. Плательщик — я, назначение — дополнительный вклад учредителя.

Он посмотрел с уважением человека, которому не придётся участвовать в чужом споре.

До вечера комнату снова заполнили инструменты. Сергей вывел трубу через наружную стену, закрепил её выше окна и поставил обратный клапан. Чтобы проверить направление воздуха, приложил к решётке тонкую бумажную салфетку. Та прилипла и задрожала.

— Тянет, — сказал он.

— Замерьте.

— Рукой чувствуется.

— Для акта нужна цифра.

— Прибор у напарника.

— Когда будет?

— Завтра.

— Тогда акт завтра.

Сергей вздохнул, но спорить не стал. Лида расплатилась только за материалы. Работу оставила до замера.

На следующий день выяснилось, что слив из раковины проходит через общий сифон с санузлом. Сантехник предложил ничего не менять: вода уходила, запаха не было. Лида потребовала отдельный затвор и возможность заливать обеззараживающий раствор, не отправляя его обратно в трубу при засоре. Сантехник назвал её требования больничными. Она ответила, что именно поэтому позвала его, а не соседа с разводным ключом.

К пятнице белая комната стала самой дорогой частью клиники после операционного стола. У неё был отдельный вход, вытяжка с актом замера, раковина с локальным затвором, закрывающийся шкаф, бактерицидный облучатель, металлическая клетка и цветные крючки для одежды. Красный халат нельзя было выносить в общий коридор. Красное ведро использовали только здесь. На полу у двери лежал коврик, который Лида приказала убрать: он удерживал грязь, хотя продавец уверял, что создаёт уют.

В десять утра пришла районный ветеринарный инспектор Ольга Васильевна Куницына. Она была полной, подвижной женщиной с короткой стрижкой и папкой, застёгнутой на две резинки. Вместе с ней явился Романов из комитета имущества.

— Я здесь только как представитель собственника помещения, — сообщил он.

— А я только как человек, которому потом объяснять, почему собственник разрешил просверлить фасад, — сказала Куницына.

Лида показала письменное согласование работ. Романов проверил номер исходящего письма и признал, что отверстие разрешено.

Осмотр начался с улицы. Куницына обошла пристройку, проверила, куда выходит труба, измерила расстояние до окна и попросила включить вентилятор. Потом вернулась внутрь и стала двигаться по комнате так, будто привезла сюда невидимое больное животное. Открыла дверь. Положила папку на стол. Коснулась крана. Посмотрела, где висят перчатки, куда выбросят пелёнку, как человек снимет халат и выйдет.

— А папку вы сейчас куда положили? — спросила Лида.

Куницына посмотрела на стол.

— Хороший вопрос.

Она подняла папку и показала на её нижний край.

— Вот это вам и будут приносить. Документы, телефоны, ключи, пакеты. Про обувь все помнят, про ручку — никто. Нужен столик у чистой границы или настенная полка, которую можно обработать.

Лида записала.

— Здесь будет только одно животное?

— Одна группа с одинаковым предполагаемым риском. Но пока одна клетка.

— Формулировку про группу уберите. Одинаковый предполагаемый риск не означает одинаковое заболевание. До заключения специалиста — одно животное или животные из одного эпизода контакта.

Лида исправила пункт в правилах.

— Кто принимает решение о помещении?

— Ответственный ветеринар. Я.

— Кто имеет ключ?

— Я и будущая помощница.

— Представитель собственника? — спросил Романов.

— Не для входа без меня.

Он нахмурился.

— Город должен иметь доступ в своё помещение.

— В клинику — по договору и с уведомлением. В изоляционную комнату во время размещения животного — только в защитной одежде и по записи.

— В случае аварии уведомить заранее невозможно.

— Тогда аварийный ключ хранится в запечатанном конверте, а факт вскрытия фиксируется. Но свободного ключа у комитета не будет.

— Это муниципальная собственность.

— А ответственность за санитарный режим моя.

Куницына подняла ладонь.

— Оба правы в своих бумагах. Сделайте приложение к договору. Аварийный доступ собственника с уведомлением ответственного лица сразу после вскрытия. Ключ в опечатанном боксе. Обычный доступ — по журналу.

Романов записал. Лида тоже. Первый спор о ключе завершился не победой, а новой страницей документов.

Инспектор проверила сроки годности средств, потребовала убрать картонную коробку с масками и переложить их в моющийся контейнер. Нашла щель под порогом шириной с ноготь.

— Это критично? — спросил Романов.

— Для мыши — удобно. Для акта — устранимо.

Сергей, которого Лида попросила ждать во дворе, молча принёс герметик.

Через два часа на листе осмотра было девять замечаний. Ни одно не запрещало работу, но каждое требовало исполнения до подачи заявления. Полка. Контейнер. Герметизация порога. Маркировка крана. Дополнительный крючок на чистой стороне. Закрывающаяся ёмкость для использованных пелёнок. Отдельный журнал обработки. Уточнение правил. Схема движения от входа к клетке и обратно.

— Когда можно повторно? — спросила Лида.

— Пришлите фотографии. Если всё видно, вернусь только для итогового акта.

— Сегодня?

Куницына посмотрела на часы.

— Если успеете до четырёх.

Романов ушёл, унося проект приложения о ключах. Сергей остался заделывать порог. Лида закрыла онлайн-запись до трёх и поехала в хозяйственный магазин. На обратном пути у переезда её задержал товарный поезд. За вагонами, совсем недалеко по прямой, находился приют.

Антон позвонил, когда она стояла перед шлагбаумом.

— Черника сняла край повязки.

— Промокла?

— Нет. Размотала зубами верхний слой.

— Наденьте воротник и привезите в четыре тридцать.

— Вы принимаете инспектора.

— Откуда знаете?

— Романов заезжал в администрацию приюта за копией договора на землю. Сказал, у вас война за ключ.

— Не война. Приложение к договору.

— Так обычно и называют войну в администрации.

Шлагбаум поднялся. Лида включила передачу.

— В четыре тридцать через задний вход. Если акт подпишут, сначала обработаю комнату после осмотра. Если не подпишут — всё равно через задний.

— Понял.

— Антон.

— Да?

— У вас есть закрывающаяся пластиковая ёмкость литров на двадцать? Не картон, не металл.

— Есть бак для корма. Новый.

— Одолжите до завтра?

— Привезу с Черникой.

— Я куплю свой.

— Купите завтра. Сегодня вам нужен бак.

— Только одолжите. В журнал имущества не вносить.

— Поздно. Я уже мысленно составил акт передачи.

Она рассмеялась — коротко и неожиданно для самой себя. Водитель машины сзади посигналил. Лида поехала.

К трём замечания были устранены. Сергей прикрутил полку, Лида напечатала схему движения и наклеила маркировку. Новый контейнер для масок оказался слишком высоким и не помещался в шкаф, поэтому она переставила бинты и освободила нижнюю полку. Закрывающуюся ёмкость Антон привёз в половине четвёртого, чистую и подписанную чёрным маркером: «Временно у Л. А. До возврата».

— Вы не могли просто написать фамилию?

— Мог. Но у нас есть ещё Лариса Алексеевна, она решит, что бак её.

Черника сидела в машине в пластиковом воротнике и выглядела оскорблённой. Антон не просил пустить её в новую комнату. Он остался у калитки, пока Лида расставляла последние вещи.

Куницына вернулась в четыре десять. Проверила фотографии, затем прошла весь путь ещё раз. На чистой границе оставила ручку, перенесла условный пакет к клетке, сняла перчатки, открыла локтем кран и указала на выключатель.

— Его тоже будете трогать грязной рукой.

Лида наклеила рядом памятку: сначала снять верхние перчатки.

— Всё предусмотреть нельзя, — сказала Куницына. — Поэтому важнее человек, который замечает ошибку и записывает её. Если будете скрывать мелочи ради красивого журнала, получите большую беду.

Она подписала акт готовности помещения к подаче заявления. Это ещё не было лицензией или разрешением использовать блок для любого случая. Документы предстояло зарегистрировать, перечень допустимых животных и сроков — согласовать. Но комната перестала быть обещанием.

— До решения держите её пустой? — спросил Антон, когда инспектор уехала.

— Для животных с подозрением на опасную инфекцию — да. Для обычного послеоперационного наблюдения отдельного разрешения не нужно, но после Черники придётся полностью обработать помещение.

— Не надо. Мы перевяжем в смотровой.
— У неё неизвестный прививочный статус.
— Вчера это не помешало.
— Вчера блок не был готов и через смотровую она не шла. Сегодня есть отдельный вход.
— Я не хочу, чтобы первый пациент приюта оказался здесь потому, что привёз бак.
— А я не хочу тащить собаку через общий коридор ради доказательства вашей независимости.

Они стояли по разные стороны порога. Антон держал поводок, Черника ждала у его ноги, не опираясь на забинтованную лапу. В комнате работала вытяжка. Тихий гул заполнял паузу.

— Сколько стоит использование? — спросил он.

Лида не знала. В прайс входили осмотр и перевязка, но отдельной строки за комнату не было.

— Сегодня нисколько. Это перевязка, не содержание.

— Тогда записывайте именно так.

— Запишу.

Антон посмотрел на Чернику.

— Можно входить?

— Можно.

Он переступил порог первым, собака осторожно пошла следом. Лида закрыла дверь со двора. Это движение оказалось будничным: повернуть ручку, проверить защёлку, надеть красный халат. Но комната сразу стала другой. Не образцом для инспектора, не дорогим ремонтом и не доводом для комиссии, а местом, где находилось живое существо.

Черника легла на коврик у клетки. Лида разрежала повреждённый верхний бинт и осмотрела лапу. Отёка не было, кожа оставалась сухой. Она заменила слой, закрепила край лентой и показала Антону, где воротник должен выступать дальше носа.

— Она ненавидит его, — сказал он.

— Это взаимно необязательно.

— Галина Петровна снимет ночью из жалости.

— Тогда утром снова будете здесь.

— Вы угрожаете доходом клиники?

— Я предупреждаю о расходах приюта.

Антон сел на корточки и позвал Чернику. Собака встала и ткнулась краем воротника ему в плечо. Он поправил ремешок, не снимая.

— Останется, — сказал он.

Лида внесла в новый журнал время, цель входа, имя животного, выполненную обработку и фамилии присутствующих. В графе основания написала: «Послеоперационная перевязка через отдельный вход; без содержания». Антон прочитал и расписался.

— Теперь у вас есть первая запись, — сказал он.

— Для комиссии?

— Для следующего человека, который захочет назвать остаток системой.

Она вспомнила их разговор у клеток. Если останется место. Остаток — плохая система.

— Это всё ещё моя комната, — сказала Лида.

— Я знаю.

— Клиники.

— И это знаю.

— Доступ решаю я.

— Пока вы единственный ответственный ветеринар — да.

Слова были правильными, но «пока» задело её.

— Вы очень хотите поспорить о комнате, которую не оплачивали.

— Нет. Я хочу понимать правило до дня, когда у нас появится собака, которую нельзя вернуть под навес.

— Правило написано. По степени риска.

— Кто сравнивает риск хозяйского животного и приютского?

— Ветеринар.

— Вы.

— Да.

— А если хозяйское приносит клинике деньги, а приютское — письмо об отсрочке?

Лида сняла перчатки и выбросила их в бак, который он привёз.

— Тогда я всё равно сравниваю медицинский риск.

— Верю.

— Вы производите это как временный кредит.

— Доверие и есть временный кредит. Потом его либо возвращают поступками, либо списывают.

Черника шумно вздохнула. Лида села на низкую скамью у стены. После трёх дней работы ноги гудели, будто клиника была не двумя комнатами, а длинным больничным коридором.

— Игорь считает, что блок не окупится, — сказала она.

Антон не ответил сразу.

— Возможно, он прав.

— Я ждала, что вы скажете обратное.

— Почему? У приюта нет денег сделать его прибыльным.

— Но он нужен городу.

— Нужное городу и выгодное владельцу редко совпадает само. Для этого придумывают договоры, оплату готовности, муниципальные задания.

— Вы сейчас говорите как человек из администрации.

— Я четыре года добиваюсь от неё денег. Приходится учить язык противника.

— И что бы вы предложили?

— Сегодня ничего. Вы только получили акт. Сначала узнайте, чего стоит один день работы комнаты: уборка, средства, одежда, электричество, потерянные приёмы. Потом решайте, кто платит за готовность, даже когда она пустует.

Лида посмотрела на вытяжную решётку. Вентилятор гудел, счётчик мотал электричество, дорогая труба висела на фасаде, а единственная собака провела в комнате двадцать минут бесплатно.

— Вы умеете испортить торжественный момент.

— Я принёс пирожки.

— Они с утра лежат в пакете.

— Значит, теперь испорчены и они.

Лида рассмеялась. Антон тоже улыбнулся — уже не едва заметно. Несколько секунд они сидели в белой комнате рядом с собакой, и ни один не пытался превратить эту близость в договорённость.

Потом Антон встал.

— Нам пора. Галина Петровна позвонит через пять минут и спросит, почему Черники до сих пор нет.

— Бак оставьте до завтра.

— Акт передачи нужен?

— Уходите.

Он вывел собаку во двор. У калитки обернулся.

— Лида Андреевна.

— Что?

— Поздравляю с комнатой.

На этот раз в его словах не было ни требования, ни сомнения. Лида кивнула.

Когда машина уехала, она вернулась внутрь, провела обработку и закрыла дверь. Ключ положила в карман халата. Второй запечатала в прозрачный пакет для будущего аварийного бокса. На столе лежал подписанный акт, под ним — счёт за трубу, письмо приюта и незаконченные временные правила.

Лида добавила второй пункт: доступ не возникает из права собственности, оплаты, личной просьбы или прежней помощи. Каждое размещение записывается отдельно.

Потом открыла пакет Галины Петровны. Пирожки остыли, но не испортились. Один она съела стоя у окна, глядя, как вечерний свет ложится на отдельный вход.

До решения комиссии оставался восемьдесят один день.

Глава 4. Партнёр на расстоянии

Игорь приехал в пятницу в половине восьмого утра, хотя обещал к десяти. Лида в это время стояла на стремянке и приклеивала над раковиной ламинированную памятку о том, в какой последовательности снимать перчатки и халат. Нижний угол всё время отходил от плитки. Она прижимала его ладонью, считала до двадцати и отпускала. Угол медленно отгибался снова.

— Наглядная картина нашего предприятия, — сказал Игорь от двери. — Ты прижимаешь, оно отходит.

Лида не вздрогнула только потому, что услышала колёса его чемодана на пороге.

— Доброе утро.

— Уже рабочее. Это лучше.

Он был в серой рубашке с закатанными рукавами, тёмных джинсах и городских туфлях, которым бережская пыль сразу придавала матовый вид. Игорь всегда приезжал так, словно вышел из кабинета на пять минут и по дороге случайно пересёк две области. За ним в коридоре стояли чемодан, коробка с образцами товаров и узкая сумка для ноутбука.

Лида слезла со стремянки.

— Ты рано.

— Хотел посмотреть на клинику до того, как ты успеешь подготовить экскурсию.

— Я не готовила.

— Поэтому и рано.

Они обнялись коротко, плечами. За одиннадцать лет знакомства этот жест пережил совместную работу в областной клинике, две попытки открыть кабинет в аренде, Игорев развод, Лидину помолвку и её отмену. Он мог раздражать её до желания выставить за дверь, но чужим не был.

Игорь провёл пальцем по краю памятки.

— Двусторонняя лента нужна для влажных помещений.

— В ящике закончилась.

— Записала в закупки?

— Нет. Я куплю рулон.

— Вот с этого и начинается бухгалтерская мистика. Рулон ты, трубу ты, потом окажется, что предприятие прибыльное, если не считать владельца.

Он снял угол памятки, достал из коробки маленький моток прозрачной ленты и закрепил его двумя полосками.

— Я привёз образцы держателей ценников, — объяснил он. — Там был комплект крепежа.

— Конечно.

— Не произноси это как диагноз.

Игорь прошёл по клинике медленно и без восторга. Проверил замок входной двери, посмотрел остатки лекарств, открыл шкаф с расходниками. Лида шла следом и старалась не объяснять каждую вещь прежде, чем он спросит. Три года назад, когда они вместе готовили кабинет дневного стационара в области, Игорь научил её считать перчатки не коробками, а парами на одну процедуру. Благодаря этому отделение перестало обнаруживать нехватку в середине месяца. Он умел видеть деньги там, где Лида видела предметы. Беда заключалась в том, что иногда за деньгами он переставал видеть всё остальное.

У изоляционной комнаты он остановился.

— Ключ.

— Зачем?

— Я совладелец.

— Это не ответ.

Игорь посмотрел на неё и улыбнулся одним уголком рта.

— Осмотр помещения. Животных внутри нет. Запиши меня в журнал.

Лида достала ключ и открыла дверь. Игорь надел бахилы, дождался, пока она отметит время входа, и только тогда переступил порог. Спорить с правилом он не собирался. От этого спорить с ним было труднее.

В комнате он проверил марку вытяжки, сфотографировал шильдик облучателя, посчитал упаковки одноразовых халатов и попросил показать акт замера воздуха. Лида принесла папку.

— Сделано хорошо, — сказал он после третьей страницы.

Она не ожидала похвалы и потому сразу заподозрила продолжение.

— Но?

— Хорошо и вовремя — разные вещи. Сколько стоило всё после нашей последней сметы?

Она назвала сумму.

— Вместе с твоим переводом?

— Да.

— А без него на счёте осталось бы сколько?

— Ты видел банк.

— Я хочу услышать, что ты это тоже видела.

Лида назвала остаток. Игорь кивнул.

— Зарплата помощнице с понедельника, вторая выплата за стерилизатор, аренда оборудования, вывоз отходов, связь, вода. И твои деньги не делают вытяжку бесплатной. Клиника теперь должна их тебе.

— Не сейчас.

— Долг без срока всё равно долг.

Он положил акт на столик у чистой границы, именно туда, где велела Куницына, и оглядел белые стены.

— Сколько пациентов здесь было?

— Один. Перевязка через отдельный вход.

— Выручка?

— За комнату не брала. Это была проверка работы после устранения замечаний.

— Расходники?

— Сто восемьдесят шесть рублей без учёта электричества и уборки.

— Вот видишь. Ты уже считаешь.

— Я и раньше считала.

— Раньше ты считала, сколько стоит лечение. Теперь придётся считать, сколько стоит возможность лечить завтра.

Игорь вышел, расписался в журнале и поставил рядом время. Потом снял бахилы так аккуратно, что Лиде нечего было ему сказать.

В приёмной он открыл ноутбук. На экране появилась таблица с цветными строками. Зелёными были прививки, обработка от паразитов, чипирование, стрижка когтей и продажа препаратов. Жёлтыми — первичные приёмы, анализы и несложные процедуры. Красными — операции, стационар, выезды и всё, что могло занять врача дольше сорока минут.

— Ты раскрасил медицину, — сказала Лида.

— Я раскрасил время и риск. Медицину раскрашивает воспаление.

Он развернул ноутбук к ней.

— В области средний чек твоего приёма был выше, но половина денег оставалась клинике. Здесь остаётся почти всё, зато ты оплачиваешь пустые часы. Нам нужно двадцать два

платных обращения в будний день или пятнадцать обращений и продажи не меньше двенадцати тысяч.

— В Бережске нет двадцати двух обращений в день для одной клиники.

— Есть владельцы примерно четырёх тысяч собак и кошек, если верить данным по вакцинации. Плюс район. Они покупают корм, капли, ошейники, средства от клещей. Сейчас едут за ними к рынку или заказывают. Пусть покупают здесь.

— Для этого ты хотел лечебный кабинет?

— Для этого я хотел предприятие, которое не закроется в сентябре.

Он открыл следующую вкладку. На ней был план приёмной: вдоль дальней стены тянулись витрины, два стула исчезли, весы сдвинулись к двери. Стеллаж закрывал окно наполовину.

— Нет, — сказала Лида.

— Ты ещё не посмотрела.

— Я посмотрела на очередь между коробками.

— Два низких стеллажа. Проход по норме остаётся.

— Человек с крупной собакой развернётся где?

— В кабинете.

— В кабинете может быть другой пациент. А кошка в переноске будет стоять рядом с собакой у витрины с каплями.

Игорь закрыл план и открыл фотографию другого помещения. Светлые полки, одинаковые ценники, стойка администратора, молодая женщина в зелёном халате.

— Это точка в Заречном. Сорок квадратов, один врач, один помощник. Открылись в феврале. В мае вышли в плюс.

— Что они лечат?

— То, что можно вылечить в сорока квадратах без круглосуточного стационара. Остальное направляют в областной центр.

— В Заречном областной центр в двадцати минутах.

— В тридцати пяти.

— Отсюда — два часа, если переезд открыт.

— Значит, заранее говорим владельцам, где граница наших возможностей.

— Граница возможностей и отказ от возможностей — не одно и то же.

Игорь откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Давай без лозунгов. Вчера тебе привезли собаку с заворотом желудка. Что бы ты сделала?

— Стабилизировала и оперировала, если перевозка опаснее.

— Одна?

— Вызвала бы коллегу из районной станции.

— Если он занят?

— Нашла бы другого.

— Если не нашла?

Лида молчала.

— Вот это и есть граница, — сказал Игорь. — Не та, которую ты рисуешь из лучших намерений, а та, где у тебя две руки, нет анестезиолога и ночью закрыта лаборатория. Я не предлагаю бросать животных. Я предлагаю не обещать клинику, которой здесь пока нет.

Его довод был честным. Это злило сильнее, чем рекламная витрина.

— Я никому не обещаю круглосуточный стационар.

— Ты строишь дорогую изоляцию раньше, чем наняла второго врача. Для города это выглядит как готовая больница. Для владельца тоже.

— Блок нужен не для вида.

— Тогда покажи, кто заплатит за его готовность.

Игорь открыл новый лист. В первой строке стояли постоянные расходы комнаты: электричество, обработка, замена фильтров, обязательный запас одежды и средств, вывоз отходов, время уборки. Ниже он оставил пустые клетки.

— Я не знаю твоих фактических цифр, — сказал он. — Заполним вместе.

До первого пациента оставалось двадцать минут. Они достали чеки, акты и договоры. Лида нашла паспорт облучателя и срок службы лампы. Игорь разделил цену на количество рабочих часов. Она возразила, что лампа используется не постоянно. Он изменил формулу. Они посчитали одну полную обработку после животного, два комплекта одежды, пелёнки, воду и сорок минут работы. Потом добавили день простоя основного кабинета, если Лиде придётся заниматься изоляцией одной.

Получилась сумма, которую приют не смог бы платить часто, а большинство владельцев сочло бы наказанием за больное животное.

— И что ты предлагаешь? — спросила Лида.

— Три тарифа. Плановая изоляция перед отправкой в область — владелец платит полностью. Социальный случай — город или фонд покрывает готовность, приют оплачивает расходники. Опасная инфекция — отдельный договор с районом, потому что это уже не частная прихоть.

— Договора с городом нет.

— Поэтому комната пока расход, а не заслуга.

— Комиссия учитывает санитарную пользу.

— Пусть учитывает деньгами или сроком аренды. Польза в протоколе заседания не оплачивает фильтр.

Он говорил почти то же, что Антон накануне, только цифрами и без слова «город» как общего виновника. Лида почувствовала неприятное желание защитить Антонов довод от Игоря, хотя защищать было нечего: оба считали одну пустую комнату с разных сторон.

Вошла женщина с рыжим спаниелем. Пёс тряс головой и чесал ухо задней лапой. Игорь убрал ноутбук и сел у стены. Лида предложила ему пройти в подсобку.

— Я посмотрю, если владелица не против.

Женщина узнала в нём «второго хозяина новой клиники» и не возражала. Игорь представился управляющим партнёром, не врачом. Во время осмотра не вмешивался. Лида взяла мазок, увидела под микроскопом дрожжевые клетки и объяснила, как чистить ухо и закапывать лекарство.

— А что-нибудь подешевле есть? — спросила хозяйка.

Лида назвала второй препарат и предупредила, что его придётся применять чаще. Женщина выбрала первый.

— У вас купить можно?

— Пока нет. В аптеке у рынка.

— Там вчера не было. Заказывать из области?

Лида записала точное название и дозировку. Женщина ушла с рецептом, удерживая спаниеля за ошейник.

Игорь ничего не сказал. Просто открыл на ноутбуке строку «ушные препараты» и поставил рядом единицу.

— Не начинай, — попросила Лида.

— Я считаю спрос.

— Один рецепт — не спрос.

— Один отсутствующий товар — тоже данные.

Следом пришёл пенсионер с таксой на прививку. Потом молодая пара принесла кота на обработку от клещей и спросила, какой ошейник лучше. Лида двадцать минут объясняла

разницу, после чего они поблагодарили и пошли покупать к рынку. Игорь поставил вторую и третью единицы.

К полудню в его списке было девять запросов на товары. Лида начала сердиться на владельцев так, будто они сговорились подтвердить его правоту.

— Людям удобно получить препарат после осмотра, — сказал Игорь, когда дверь закрылась. — Это не превращает тебя в продавца.

— Если выбор препарата зависит от того, что стоит у меня на полке, превращает.

— Тогда не позволяй зависеть. Держи два подходящих варианта, объясняй разницу, выписывай то, чего нет. Правило устанавливаем мы.

— А если дорогой товар выгоднее?

— Финансово — продаём дорогой. По назначению — тот, который нужен. Ты правда думаешь, что я не различаю эти вещи?

— Я думаю, что таблица различает только маржу.

— Таблица ничего не решает. Она показывает цену решения.

Он встал, размял плечо и посмотрел на расписание.

— У тебя обед где?

— В пакете на подоконнике.

— Это пирожки?

— Были пирожки.

— Значит, съедены. Где обед сегодня?

Лида не ответила. Игорь достал телефон и заказал еду из кафе на площади. Когда курьер принёс два контейнера с гречкой, котлетами и салатом, Игорь внёс доставку в личные расходы.

— Можешь иногда не демонстрировать урок, — сказала Лида.

— Могу. Но тогда ты назовёшь это расходом клиники или забудешь вовсе.

Они ели в подсобке между коробками с пелёнками и старым письменным столом. Окно выходило на стену соседнего дома. В щели между крышами был виден узкий кусок июньского неба.

— Как ты? — спросил Игорь.

Вопрос прозвучал без таблицы, и Лида не сразу нашла ответ.

— Работаю.

— Это я вижу.

— Устала. Но не так, как в области.

— Там ты хотя бы уходила домой.

— Там я уходила из чужой клиники. Здесь закрываю свою.

— На лето.

— Пока на лето.

Игорь отложил вилку.

— Именно. Ты уже разговариваешь так, будто решение принято. Вкладываешь деньги так, будто останешься. Отказываешься от простых услуг так, будто поток тяжёлых случаев обеспечит аренду. А двадцать пятого августа пять человек могут сказать, что помещение нужнее кому-то другому.

— Поэтому я должна за три месяца показать пользу.

— И устойчивость. В критериях есть оба слова.

— Ты читал положение?

— Трижды. Ещё поговорил с бухгалтером комитета.

— С каким бухгалтером?

— С тем, чей номер указан на сайте. Я не подкупил администрацию, Лида. Спросил, что комиссия понимает под устойчивостью.

— И?

— Способность платить полную аренду после льготного периода, отсутствие долгов и подтверждённый спрос. Санитарная польза даёт баллы, но не отменяет остального.

Она знала это. Однако, произнесённое Игорем, условие стало не строкой в положении, а дверью, которую могли закрыть.

— Поэтому витрины.

— Поэтому несколько источников дохода. Витрины, вакцинация по записи, выездной день по сёлам, договоры с хозяйствами, простая лаборатория. И только потом — всё, что связывает врача на часы и требует команды.

— Карантин уже есть.

— Комната есть. Работающей услугой она станет, когда будет понятен порядок и платёщик.

— Порядок я написала.

— Медицинский. Я говорю о деньгах.

Лида закрыла контейнер.

— Антон сказал почти то же.

Игорь поднял глаза.

— Руководитель приюта?

— Да.

— Умный человек.

— Ты даже не знаком.

— Для этой мысли знакомство не требуется. Приют собирается пользоваться блоком?

— Если возникнет необходимость. По медицинскому риску.

— И платить через тридцать дней.

— Он дал гарантийное письмо.

— Гарантийное письмо не деньги.

— Вчера ты требовал бумагу. Сегодня бумага уже не подходит.

— Она подходит как подтверждение долга. Не как оплата расходников в день, когда они нужны.

— Приют заплатил за первый осмотр.

— Ты сейчас защищаешь клиента или мужчину?

Лида поставила вилку так резко, что она ударилась о край контейнера.

— Клиента. И партнёра города, у которого сорок семь животных и нет изоляции.

— Хорошо. Тогда не сердись на вопрос. Я должен знать, влияет ли личное отношение на решение.

— Не влияет.

— Верю. Но правило нужно как раз для дня, когда начнёт влиять, а ты этого не заметишь.

— У меня есть правило.

— Про доступ. Сделай ещё про деньги. Одинаковое для приюта, знакомого, чиновника и платного владельца. Кто утверждает бесплатный случай? Сколько таких случаев клиника выдерживает? Из какого фонда берутся расходники?

Она хотела ответить, что живое животное нельзя сверять с месячным пределом. Потом вспомнила, как в областной клинике одна бесплатная операция становилась обещанием второй, пятой, двенадцатой, пока администратор не запрещал новые, а виноватым перед людьми оставался врач.

— Хорошо, — сказала Лида. — Сделаем лимит и отдельное решение по экстренным случаям.

— Не «сделаем». Запиши сегодня.

— Ты тоже совладелец.

— Финансовую часть подготовлю я. Медицинские исключения — ты. Потом подпишем оба.

Это было справедливо. Лида всё равно злилась.

После обеда Игорь распаковал коробку. В ней оказались не только держатели ценников, но и тестовые упаковки пелёнок, воротников, перевязочных материалов, капель и средств от клещей. На каждой стояла наклейка «ОБРАЗЕЦ. НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ».

— Поставщик даст отсрочку на двадцать один день, — сказал он. — Непроданное из первой партии заберёт.

— Почему ты не сказал об этом утром?

— Хотел сначала увидеть помещение и спрос. Если бы никто не спросил, коробка уехала бы обратно.

— Стеллажи всё равно не в приёмной.

— Один низкий вдоль глухой стены. Не закрывает окно, оставляет место для крупной собаки и коляски. Я измерил.

— Когда?

— Пока ты осматривала спаниеля.

Лида взяла рулетку и проверила. Проход действительно оставался. Стул придётся сдвинуть на двадцать сантиметров, весы — на десять.

— Только средства, которые не требуют рецепта, — сказала она. — Лекарства — после осмотра или по назначению. Никаких «возьмите ещё витамины» у кассы.

— Согласен.

— Цены видны сразу.

— Разумеется.

— Я выбираю ассортимент по медицинскому смыслу.

— Ты исключаешь неподходящее. Я выбираю из подходящего по условиям поставки и спросу.

— Вместе.

Игорь помедлил.

— Вместе.

Они записали условия на обороте распечатанного плана. Игорь поставил дату и подпись. Лида тоже. Это ещё не был договор, но устные решения между ними слишком часто менялись после возвращения Игоря в область.

В четыре часа приехала Галина Петровна с Черникой. Собака сумела разгрызть край воротника и теперь носила его как помятый цветок. Галина Петровна держала новый воротник, купленный на рынке, но тот оказался коротким.

— Нам сказали, размер подходит, — жаловалась она. — А она носом до лапы достаёт.

Игорь выбрал из образцов воротник нужной длины.

— Этот не продаётся, — предупредил он. — Можно использовать для примерки, потом закажем такой же.

— А сегодня?

Лида осмотрела погрызенный край. Пластик не царапал шею, крепления держались.

— Сегодня укрепим старый. Новый привезут завтра.

Игорь открыл поставщику заказ в телефоне.

— Если до одиннадцати отправим общий список, утром будет на автобусе.

Галина Петровна посмотрела с одного на другого.

— Так вы теперь аптека?

— Нет, — одновременно ответили Лида и Игорь.

— Пока небольшой запас нужных вещей, — добавил Игорь.

— После осмотра, — сказала Лида.

Галина Петровна улыбнулась.

— Муж и жена тоже сначала отвечают одновременно, потом спорят, чьё слово последнее.

— Мы деловые партнёры, — сказала Лида.

— Это хуже, — уверенно заключила Галина Петровна. — Из брака хоть уйти можно без инвентаризации воротников.

Игорь рассмеялся. Лида укрепила старый воротник мягкой лентой, проверила повязку и записала контроль через три дня. Галина Петровна вручила ей тысячу двести рублей и попросила чек.

— Сегодня пятьсот, — сказала Лида. — Только повторный осмотр и материалы.

— Остальное вперёд за воротник.

— Предоплату за него не берём, пока не привезли.

— Тогда положите приюту на счёт. Антон велел не делать вид, будто чужой труд бесплатный.

Игорь поднял взгляд от телефона, но промолчал.

Лида пробила чек на пятьсот и вернула сдачу. Галина Петровна пересчитала деньги, вздохнула и убрала в кошелёк.

— Два упрямых человека нашли друг друга, — сказала она уже у двери.

— Кого именно вы имеете в виду? — спросил Игорь.

— В этом городе выбор большой.

Когда они остались одни, Игорь посмотрел на гарантийное письмо приюта, лежавшее в папке.

— Она принесла полную сумму без напоминания.

— Да.

— Я не говорил, что они не заплатят. Я говорил, что срок оплаты тоже стоит денег.

— Я знаю.

— И мужчина здесь ни при чём?

Лида посмотрела на него.

— Ещё один такой вопрос — и ты будешь ночевать в комнате с отдельным входом.

— Там хотя бы чисто.

К закрытию они составили первую заявку поставщику. Лида вычеркнула ароматизированные шампуни, лакомства в форме косточек и витамины с изображением улыбающегося щенка. Оставила клещевые пинцеты, простые воротники, пелёнки, бинты, средства обработки, несколько проверенных препаратов от наружных паразитов и корм для восстановления после болезни в маленьких упаковках. Игорь убрал две позиции с низким сроком годности и одну, которую поставщик не соглашался забирать.

— Получилось не так плохо, — сказал он.

— Получилась полка, не аптека.

— Пока полка.

— Игорь.

— Хорошо. Полка.

Он сохранил заказ, но не отправил.

— Последнее решение твоё, — сказал он. — Нажимать?

Лида посмотрела на итоговую сумму. Она была меньше, чем стоила одна секция вытяжной трубы, и почти полностью покрывалась отсрочкой. За день девять человек спросили товары, которых в клинике не было. Отказ сейчас был бы не защитой медицины, а защитой собственного раздражения.

— Отправляй.

Игорь нажал кнопку. Телефон коротко звякнул.

— Теперь о тяжёлых случаях, — сказала Лида. — Мы не превращаем направление в области в автоматический отказ.

— Согласен.

— Составляем список врачей, которых можно вызвать. Отдельно — перевозка. Если животное нельзя везти, решаем по состоянию, а не по цвету строки.

— Согласен, если ты не оперируешь одна то, для чего нужна команда.

— Не оперирую одна, если это увеличивает риск.

— Не «если ты считаешь», а если нужна команда по обычной практике.

— Решение всё равно принимает врач.

— А ответственность несёт клиника.

Они снова упёрлись в ту же стену: Лида защищала право решить в конкретную минуту, Игорь — предприятие от решений, которые нельзя заранее оплатить и обеспечить. Ни один не был готов отдать своё право другому.

— Запишем порядок консультации, — предложила Лида. — В спорном случае звонок второму врачу, даже ночью. Если связи нет и промедление опасно, решение моё, с полной записью причин.

— И уведомлением мне после, а не через неделю.

— После помощи животному.

— Разумеется.

Игорь добавил пункт в общий файл. Затем закрыл ноутбук и впервые за день посмотрел не на помещение, а в окно. На Советской зажглись фонари. У магазина напротив женщина привязывала к велосипеду пакет с хлебом. Двое подростков вели по тротуару старого лабрадора, который останавливался у каждого дерева.

— Красивый город, — сказал Игорь.

— Ты удивлён?

— Я думал, здесь будет хуже.

— Тогда зачем вложился?

Он провёл ладонью по крышке ноутбука.

— Потому что ты бы всё равно приехала. Одна взяла бы кредит на плохих условиях и через два месяца продала машину. Я решил хотя бы сделать твоё упрямство дешевле.

— Очень трогательное объяснение партнёрства.

— Другого у меня нет.

Лида выключила свет в кабинете. В коридоре осталась гореть лампа над мойкой.

— Ты считаешь, что я не справлюсь?

— Я считаю, что ты справишься ценой, которую потом назовёшь неизбежной. Моя работа — доказать, что часть этой цены можно не платить.

— А моя?

— Не дать мне превратить клинику в магазин с человеком в халате.

Это прозвучало почти как признание доверия. Игорь редко признавал, что ему нужен чужой предел.

— Значит, мы полезны друг другу, — сказала Лида.

— Пока спорим о способе, а не о цели.

Он поднял чемодан. Ночевать собирался в гостинице у вокзала, хотя Лида предлагала раскладной диван в съёмной квартире.

— Завтра утром привезут заказ, — сказал он. — Я приму и поставлю учёт. После обеда уеду.

— А потом снова будешь управлять на расстоянии?

— Буду считать на расстоянии. Управлять здесь должна ты.

— До тех пор, пока мои решения помещаются в зелёную строку?

— До тех пор, пока ты сообщаешь о красной до того, как она становится долгом.

У двери он задержался.

— И ещё. Я подготовлю письмо в администрацию об оплате готовности карантинного блока. Не просьбу о пожертвовании, а предложение услуги. С количеством дней, расходами и ответственностью сторон.

— Они откажут.

— Возможно. Но тогда отказ тоже станет документом для комиссии. Город не сможет одновременно требовать санитарную пользу и делать вид, что она ничего не стоит.

Это опять мог сказать Антон. Лида не произнесла его имя.

— Пришли мне черновик.

— Завтра.

Игорь ушёл, катя чемодан по неровной плитке. Лида заперла дверь и вернулась к столу. На экране ноутбука оставался открытым общий файл. В нём появились два новых раздела: «Бесплатная и отсроченная помощь» и «Случаи, требующие второго врача». Ни один не решал, что делать с животным, которое окажется на пороге ночью. Но теперь решение не начиналось с иллюзии, будто у клиники бесконечны деньги, руки и время.

Лида внесла в журнал выручку за день, отдельно отметила девять запросов на товары и пятьсот рублей от приюта. Потом открыла расчёт карантинной комнаты. В строке «оплата готовности» пока стоял ноль.

Она не стала его стирать.

Из белой комнаты доносился ровный гул вытяжки. Лида выключила её, проверила запечатанный ключ и погасила последнюю лампу.

До решения комиссии оставалось восемьдесят дней.

Глава 5. Лиса у детской площадки

В субботу в восемь пятнадцать водитель рейсового автобуса передал Игорю три заклеенные коробки и попросил расписаться на обороте маршрутного листа. Коробки стояли прямо на тротуаре перед клиникой. На верхней чёрным маркером было написано: «НЕ БРОСАТЬ».

— Обнадёживает, — сказала Лида.

— Это про грузчиков, не про наш бизнес.

Игорь проверил количество мест, сфотографировал целые пломбы и только потом занёс коробки внутрь. Низкий стеллаж привезли вместе с товаром в плоской упаковке. Пока Лида принимала первых пациентов, он собрал его у глухой стены, дважды измерил проход и наклеил на полосу у края маленькую метку. От стены до противоположного стула оставалось метр двадцать.

— Коляска проходит, — сказал он.

— А сенбернар?

— Сенбернар садится у двери и рассматривает ассортимент с расстояния.

Стеллаж не сделал клинику магазином. На верхней полке лежали воротники и свёрнутые пелёнки, ниже стояли средства от клещей, промаркированные по весу животного. Ценники были крупными. Рядом Игорь поставил белую карточку: «Подбор средства — после уточнения веса, возраста и состояния животного».

— Это ты написал? — спросила Лида.

— Я умею составлять предложения без слова «выгода».

— Иногда.

— По выходным.

В девять они открыли дверь. Через десять минут пришла Галина Петровна за воротником для Черники. Новый оказался подходящим: край выступал за нос, но не мешал собаке пить. Игорь пробил первую продажу, выдал чек и записал номер партии. Галина Петровна торжественно сказала, что клиника теперь официально держится на одной собаке, двух пирожках и пластмассовом круге.

В девять сорок Игорь уехал на вокзал. Перед тем как сесть в такси, он напомнил про письмо администрации и пообещал черновик к вечеру.

— Я пришлю не только цифры, — сказал он. — Там будет, что город получает за оплату готовности.

— Не обещай круглосуточный приём.

— Не обещаю. Ответственный врач на связи, помещение готово в установленные часы, отдельный вызов — по договорённости.

— И никакого гарантированного места без оценки риска.

— Записал.

Он постучал пальцем по крыше машины.

— Позвони, если случится красная строка.

— Сначала помогу животному.

— Потом позвони.

Такси уехало. Лида вернулась в клинику, где новый стеллаж пах древесной стружкой и картоном. На кассе лежала купюра Галины Петровны. За окном начинался обычный жаркий день, и ничто не требовало выбирать между двумя правильными решениями.

В десять семнадцать зазвонил городской номер.

— Ветеринарная клиника, слушаю.

В трубке шумели детские голоса и чей-то тяжёлый вдох.

— Это возле площадки на Набережной, — сказала женщина. — Тут лиса. Она не уходит.

Лида выпрямилась.

— Вы сейчас на каком расстоянии от неё?

— Метров десять. Может, меньше. Она под горкой.

— Не подходите. Уведите детей в помещение или как можно дальше, спокойно, без крика. Не пытайтесь прогнать, кормить или снимать вблизи. Собаки рядом есть?

— Одна была. Девушка её держит. Ой, господи, мальчик опять идёт туда!

— Уведите мальчика. Сейчас. Я вызываю районную станцию и полицию. Назовите точный адрес.

Женщина назвала дом и сказала, что площадка находится со стороны реки. Лида попросила не класть трубку, включила громкую связь и с мобильного набрала районную ветеринарную станцию. Дежурный сначала ответил сонно, потом услышал слово «лиса» и задал три коротких вопроса: есть ли прямой контакт с человеком, укусила ли она животное, можно ли закрыть проход к площадке.

Женщина в городском телефоне не знала. Кто-то рядом сказал, что рыжая собака подбежала к лисе, но хозяйка успела оттащить. Другой голос утверждал, что собаки вообще не было.

— Считаем возможный контакт, пока не выяснили, — сказал дежурный. — Наш специалист выезжает. Полицию пусть вызывают через сто двенадцать. Не приближаться. Частному врачу тоже не приближаться и животное не ловить.

— Поняла.

Лида вызвала службу экстренной помощи, повторила адрес и угрозу для детей. Потом вернулась к женщине.

— Как вас зовут?

— Марина.

— Марина, специалисты едут. Вы можете отойти к подъезду и предупредить людей, чтобы не шли на площадку?

— Лиса лежит. Может, она просто больная.

— Возможно. Поэтому к ней нельзя подходить. Даже спокойное дикое животное может резко двинуться от боли или страха.

— А вы приедете?

Лида посмотрела на расписание. Через три минуты должна была прийти женщина с кошкой после операции. В клинике больше никого не было. По правилам дежурного ей не следовало вмешиваться в отлов, но на месте нужно было собрать сведения о возможном контакте с домашней собакой.

— Я приеду, но не буду ловить лису. Оставайтесь на безопасном расстоянии.

Она позвонила записанной клиентке, объяснила задержку и предложила либо перенести осмотр на час, либо обратиться в районную станцию. Женщина согласилась подождать. Лида повесила на дверь записку с номером телефона, взяла медицинскую сумку, две пары длинных перчаток и пустые бланки. Потом замерла у шкафа.

Защитная одежда для работы с подозрительным животным была в изоляционной комнате. Брать её на площадку означало после считать использованной и обрабатывать всё, что окажется рядом. Не брать — идти смотреть издали, как ей и велели. Лида оставила одежду на месте.

На Набережную она доехала за шесть минут. Площадка лежала между четырьмя пятиэтажками и спуском к реке. Жёлтая горка, две качели, песочница под выцветшим грибком. У подъездов стояли взрослые с телефонами. Несколько детей выглядывали из-за стеклянной двери магазина.

Лиса находилась под лестницей горки. Издали она казалась маленькой и слишком худой для густой рыжей шерсти. Передние лапы были вытянуты, голова опущена. Она не пыталась

спрятаться от людей, но и не шла к ним. Время от времени поднимала морду, словно прислушивалась к звуку, которого больше никто не слышал.

Лида остановилась у края асфальта, примерно в пятнадцати метрах.

— Вы врач? — спросила женщина в синем халате. — Я звонила. Марина.

— Кто подходил к животному?

— Никто. То есть дети сначала были рядом. Мы не сразу поняли.

— Кто видел собаку?

Сразу заговорили трое. Один мужчина видел рыжего пса без поводка. Девочка сказала, что это Тайга из третьего подъезда и поводок у неё был, только выпал из руки. Пожилая женщина утверждала, что собака лаяла с другой стороны горки. Никто не мог точно сказать, соприкасались ли животные.

— Где хозяйка Тайги?

Девочка показала на дом.

— Тётя Оля увела её мыть.

— Мыть чем?

— Не знаю.

Лида попросила Марину позвонить Ольге и передать: собаку пока не мыть, не трогать морду голыми руками, не подпускать к людям и другим животным, ждать звонка ветеринара. Марина набрала номер. Никто не ответил.

Лиса поднялась. Толпа у подъезда одновременно отступила, хотя между ней и животным оставалось далеко. Лиса сделала два неровных шага, ударилась боком о стойку горки и остановилась. С нижней челюсти свисала тонкая нить слюны.

Кто-то прошептал: «Бешеная».

Слово прошло по людям быстрее любого предупреждения.

— Диагноза нет, — громко сказала Лида. — Такое состояние бывает по разным причинам. До осмотра действуем осторожно. Не приближайтесь.

Мужчина с телефоном сделал шаг вперёд, стараясь снять крупнее.

— Вернитесь, — сказала Лида.

— Я не близко.

— Вы сокращаете расстояние и отвлекаетесь на экран. Вернитесь к подъезду.

— Да я всю жизнь в лес хожу.

— Тогда вы знаете, что дикая лиса днём на детской площадке — не повод проверять опыт.

Он хотел ответить, но в этот момент лиса повернула голову. Мужчина отступил.

Первой приехала патрульная машина. Молодой полицейский натянул между двумя деревьями красно-белую ленту, его напарница отвела людей за парковку и записала имена тех, кто находился на площадке до звонка. Лида представилась и объяснила, что отвечает только за возможный контакт домашнего животного; диким занимается районная служба.

— Она нападёт? — спросил полицейский.

— Я не могу предсказать. Не загоняйте её в угол и не пытайтесь трогать. Специалист уже едет.

— А если побежит к подъезду?

— Освободите ей направление от людей, но не преследуйте пешком. Дежурный должен привезти оборудование.

Через двенадцать минут подъехал белый фургон районной станции. Из него вышли Ольга Васильевна Куницына и мужчина в плотном комбинезоне. Вчера инспектор носила светлую блузку и держала папку двумя пальцами. Сегодня волосы были спрятаны под шапочку, на глазах — прозрачный щиток, на руках — длинные перчатки.

— Кто сообщил? — спросила она.

Лида подняла руку.

Куницына подошла не ближе, чем требовалось для обзора, и несколько минут наблюдала за лисой. Затем велела напарнику готовить клетку и длинную петлю, а полицейским — освободить проход к фургону.

— Контакты?

— Возможный с собакой по кличке Тайга, хозяйка Ольга из третьего подъезда. Свидетельства расходятся. С людьми подтверждённого контакта нет.

— Укус, царапина, слюна на повреждённую кожу?

— Никто не сообщил. Опрос ведёт полиция.

— Собака привита?

— Пока не знаем.

Куницына посмотрела на Лиду.

— Вы к лисе подходили?

— Нет. Ближе пятнадцати метров не была.

— Правильно. Теперь найдите собаку. Не приводите сюда. Изолируйте от людей до моего звонка.

— В клинику?

— Сначала выясните прививку и сам факт контакта. Если слюна могла попасть на шерсть или морду, владельцу не трогать без защиты. Я дам указание после отлова.

— Мой блок ещё не имеет окончательного разрешения для подозрения на особо опасную инфекцию.

— Поэтому не помещайте туда самовольно. Домашняя изоляция до решения, если условия позволяют. Если нет — будем искать законный вариант.

Лида кивнула. Эта фраза должна была успокоить, но прозвучала как предупреждение о пустоте между правилами и реальностью.

Она отошла к Марине. Та наконец дозвонилась Ольге, но разговор получился коротким: хозяйка плакала и повторяла, что уже вымыла Тайге морду в ванне.

— Дайте мне телефон.

— Оля, с вами сейчас говорит ветеринар Лида Арсеньева. Вы целы? На руках есть порезы, царапины?

— Есть трещины. У меня кожа сухая. Что теперь будет? Тайга только понюхала, она не дралась.

— Я не могу оценить по телефону. Не трогайте собаку больше, закройте её в отдельной комнате или на застеклённом балконе, если там не жарко. Детей к ней не пускайте. Воду поставьте так, чтобы не касаться морды. Вы чем мыли?

Ольга назвала обычный шампунь. Голос у неё дрожал.

— Мне прививку делать?

— Это решает врач для людей после оценки контакта. Сейчас позвоните в службу сто двенадцать и скажите, что могли касаться слюны дикого животного через шерсть собаки, а на руках есть трещины. Вам укажут, куда обратиться. Не ждите, пока станет понятно, больна ли лиса.

— Но я её не трогала.

— Расскажите врачу точно, что произошло. Он оценит риск. Я сейчас подойду к дому, но в квартиру не войду, пока не получу указание инспектора.

Лида вернула телефон Марине и пошла к третьему подъезду. За спиной раздался металлический лязг. Она не обернулась. Люди вокруг фургона и так смотрели слишком внимательно, будто исход отлова мог немедленно превратить подозрение в ответ.

Ольга ждала на первом этаже. Ей было около тридцати пяти. На ней были домашние шорты, резиновые тапки и мокрая футболка. Руки она держала перед собой, не касаясь тела. На подушечке большого пальца виднелась красная трещина.

— Я вымыла с мылом, — сказала она.

— Хорошо. Теперь позвоните врачам.

— Муж звонит. Тайга на кухне. Дочка в спальне.

— Когда собака привита от бешенства?

— Весной. Кажется, в апреле. Паспорт у меня.

— Принесите паспорт, не открывая кухню.

Ольга ушла и вернулась с синей книжкой в прозрачной обложке. Последняя отметка была сделана четырнадцатого апреля, вакцина указана, наклейка и подпись стояли на месте. Лида сфотографировала страницу с разрешения хозяйки и записала номер.

— Расскажите по шагам, что произошло. Не что вы думаете сейчас, а что видели.

Ольга закрыла глаза.

— Мы шли вдоль площадки. Тайга была на рулетке. Дочка увидела лису и крикнула. Тайга рванула, рулетка выпала. Она обежала горку. Я побежала следом. Лиса лежала. Тайга остановилась возле неё.

— На каком расстоянии?

— Не знаю. Совсем рядом.

— Они касались носами?

— Может быть. Я видела головы рядом. Лиса дёрнулась, Тайга отскочила. Я схватила рулетку и увела.

— Укус вы видели?

— Нет.

— Визг, драку?

— Нет. Тайга лаяла один раз. Или не лаяла. Я не помню.

— Это нормально. Не пытайтесь заполнить то, чего не помните.

Из-за кухонной двери послышалось царапанье. Затем короткий скулёр.

— Она всегда так, когда закрывают, — сказала Ольга. — Это не значит, что она заболела?

— Нет. Прошло слишком мало времени, и обычное поведение за дверью ничего не доказывает. Нам нужно осмотреть её на повреждения и выполнить указания районной службы.

— Вы можете осмотреть сейчас?

— Могу, но сначала согласую защиту и место. Не открывайте.

Лида позвонила Куницыной. На площадке шумел двигатель фургона.

— Животное отловлено, — сказала инспектор. — Везём материал на исследование. Собака привита?

Лида сообщила дату и описала возможный контакт.

— Считать контактом, — решила Куницына. — Осмотреть кожу и слизистые в защите. Если повреждений нет, обработка по правилам и изоляция под наблюдением до письменного распоряжения. Владельцу — в медицинское учреждение сегодня. Собаку пока можно оставить дома, если отдельная комната, нет контакта с людьми и другими животными и хозяйка выполняет требования.

— Она уже вымыла морду голыми руками.

— Запишите. Медицинскую помощь ей не откладывать. Осмотр собаки проведите у отдельного входа, не через общую приёмную. В блок не заводить без моего письменного разрешения. После — полная обработка.

— Поняла.

— И Лида Андреевна. Не говорите владельцу срок наблюдения от себя. Я оформлю распоряжение по действующим правилам после оценки всех обстоятельств.

— Не скажу.

Лида вернулась к Ольге.

— Осмотрим Тайгу у отдельного входа клиники. До машины вы ведёте её на коротком поводке и в наморднике, если она к нему приучена. Дочка не идёт. После осмотра собака, вероятно, вернётся домой в отдельную комнату, но окончательное распоряжение даст районная служба.

— А если найдёте царапину?

— Тогда сообщу инспектору, и решение изменится. Сейчас не угадываем.

— Она привита. Значит, всё хорошо?

— Прививка очень важна и снижает риск, но она не отменяет осмотр и наблюдение после возможного контакта.

Ольга прижала паспорт к груди, потом вспомнила о руках и снова отвела их.

— Муж сейчас вернётся. Он отвезёт.

— Сначала позвоните врачам для себя.

— Уже. Сказали ехать в приёмное отделение. Я поеду после Тайги.

— Нет. Вы едете сейчас. Собаку привезёт муж, когда я подготовлю вход. Передайте ему паспорт и мой номер.

— Я не могу её бросить.

— Вы не бросаете. Вы занимаетесь возможным контактом у себя. Это не менее важно.

Ольга посмотрела на кухонную дверь. За ней Тайга перестала скрестись.

— А если она подумает, что я её наказала?

— Сегодня можно пережить её обиду.

Ольга неожиданно улыбнулась сквозь слёзы.

— Она умеет долго.

— Значит, у вас будет время извиниться после распоряжения инспектора.

На улице фургон уже уезжал. Площадка оставалась за лентой. Под горкой темнело влажное пятно, рядом стоял пластиковый ящик, которым накрыли землю до обработки. Куницына через окно показала Лиде на телефон: звонить после осмотра.

Лида вернулась в клинику. У двери ждали женщина с послеоперационной кошкой и мужчина, который хотел купить средство от клещей. Записка на стекле от жары отогнулась по углам.

— Извините за задержку, — сказала Лида. — Сегодня приём изменится. Сначала осмотр кошки. Продажу проведу после. Через сорок минут клиника закроется на санитарную обработку.

— А что там было? — спросил мужчина. — В чате пишут, бешеная лиса детей покусала.

— Подтверждённых укусов людей нет. Животное направлено на исследование. Следуйте сообщениям районной службы, не пересылайте неподтверждённое.

— Но лиса бешеная?

— Результаты исследования нет.

Он уже смотрел в телефон. В городском чате фотография лисы под горкой была снята с такого близкого расстояния, что в кадр не вошла даже вся лестница. Под ней росли сообщения: «точно бешенство», «власти скрывают», «в приюте выпустили больных собак», «новая клиника завезла инфекцию».

Последнее появилось две минуты назад.

Лида показала экран мужчине.

— Вот почему важно не угадывать. Клиника никого не завозила. Приют к лисе отношения не имеет. Специалисты работают.

— Я просто спросил.

— И я отвечаю.

Она впустила женщину с кошкой. Шов был сухим, температура нормальной. Лида сняла защитную попону, обработала край и завязала новые тесёмки. Руки выполняли привычные движения, а взгляд всё время уходил к часам.

После приёма она попросила клиентов выйти, заперла главную дверь и повесила другую записку: «Санитарный перерыв. Вход временно закрыт». Затем подготовила отдельный вход. Убрала всё лишнее, застелила стол одноразовым покрытием, поставила контейнер для отходов. Красный халат, щиток и перчатки надела в чистой зоне. В журнале заранее оставила пустыми время и результат.

Телефон зазвонил, когда она затягивала манжету второй перчатки. Это был Игорь.

— Я увидел чат, — сказал он. — Что происходит?

— Лису нашли у площадки. Отловили, материал повезли на исследование. Возможный контакт с привитой домашней собакой. Сейчас осмотрю у отдельного входа по указанию Куницыной.

— Разрешение на блок?

— Внутри не помещаю. Только осмотр у отдельного входа, потом обработка.

— Письменное указание есть?

— Пока устное. Она оформит.

— Запиши время звонка и формулировку.

— Уже записываю.

— Тебе нужен второй человек.

— Владелец удержит собаку снаружи.

— Если она вырвется?

Лида посмотрела на дверь. Тайга была взрослой рыжей дворнягой размером с овчарку, если фотографии в паспорте не обманывали.

— Позову районного фельдшера.

— Куницына уехала.

— У станции есть дежурный.

— Позвони. Я не мешаю.

Он не стал спрашивать про деньги, закрытый приём или испорченную первую субботу продаж. Красная строка оказалась не той, которую они обсуждали вчера.

Районная станция смогла прислать фельдшера через двадцать минут. Ольгин муж уже стоял во дворе клиники с Тайгой. Собака была в наморднике и на двух поводках. Она тянула к двери, узнав запах места, где ей весной делали прививку в выездном кабинете прежнего врача.

— Я проверил всю, крови нет, — сказал мужчина. — Она нормальная. Давайте просто домой.

— Не трогайте морду и не снимайте намордник, — сказала Лида через закрытую дверь. — Ждём второго специалиста.

— Жена в больнице, ребёнок ревёт, собака с ума сходит. Сколько можно ждать?

— До безопасного осмотра.

— Она же привита.

— Поэтому у нас больше оснований надеяться на хороший исход. Но возможный контакт записан, и осмотр обязателен.

Мужчина отошёл к забору. Тайга легла у его ног и положила морду на лапы. С виду она была совершенно здоровой собакой, уставшей от намордника и чужой тревоги. Лиде хотелось открыть дверь и закончить всё за пять минут. Именно такое желание чаще всего и превращало порядок в видимость.

Фельдшер приехал на старой «Ниве». Его звали Николай Степанович. Он привёз защитный костюм, дополнительный поводок и длинный фонарь. Сначала выслушал Лиду, затем вла-

дельца, сверил паспорт и позвонил Куницыной по громкой связи. Только после этого они начали.

Тайгу подвели к отдельному входу, не заводя в комнату. Муж держал оба поводка. Николай Степанович стоял сбоку, Лида осматривала шерсть и кожу от хвоста к голове, чтобы не тянуться сразу к морде. На боку нашлась старая корочка, на задней лапе — свежая ссадина от асфальта, но следов укуса не было. Возле правого уха шерсть была влажной после мытья. Осмотреть пасть без снятия намордника безопасно не получалось.

— Снимаем на секунду, — предложил владелец. — Она не кусается.

— Нет, — сказал Николай Степанович. — Пасть сейчас не осматриваем силой. Это не изменит решение, а контакт изменит.

Лида посветила в глаза, проверила движения, дыхание и температуру бесконтактным способом для предварительной оценки. Тайга следила за руками, пыталась повернуться к хозяину и один раз чихнула. Муж дёрнулся.

— Почему она чихает?

— В наморднике пыль, — сказал фельдшер. — Один чих ничего не значит.

Они обработали доступные участки по указанию районной службы, сменили внешний поводок на чистый и поместили использованные материалы в закрытый контейнер. Лида записала отсутствие видимых укусов при ограниченном осмотре головы и точные причины ограничения.

Куницына по телефону распорядилась вернуть Тайгу домой под изоляцию, исключить контакты и ждать письменного документа в тот же день. Повторную вакцинацию и дальнейшие действия районная служба определит официально с учётом документов и обстоятельств контакта. Лида не спорила и не добавляла сроков.

— А если анализ будет хороший? — спросил муж.

— Районная служба сообщит и изменит распоряжение, если для этого будут основания, — ответила Лида.

— Вы все говорите так, будто боитесь одного нормального предложения.

— Мы боимся дать вам обещание раньше результата.

Он поднял оба поводка.

— Домой?

— Домой. Отдельная комната, никаких прогулок в общих местах без указания службы, никаких контактов. Если заметите изменение поведения или состояния — не везёте сами, а сразу звоните по этим номерам.

Лида протянула лист, не выходя за грязную границу. Муж взял его чистой рукой за край.

Тайга пошла за ним спокойно. У калитки оглянулась на Лиду, как обычная собака, которой не дали войти в знакомое помещение. Потом они скрылись за углом.

Николай Степанович помог с первичной обработкой. Красный халат отправили в отдельный пакет, одноразовые материалы — в контейнер. Поверхности Лида обрабатывала дважды, отмечая время. Фельдшер следил, чтобы она не торопилась.

— У вас блок хороший, — сказал он через щиток.

— Разрешения для такого случая ещё нет.

— Поэтому хорошо, что не понадобился.

— А если дома невозможно изолировать?

Он завязал пакет.

— Тогда звонили бы Куницыной и искали место.

— Где?

— В районе.

— В районе нет лицензированного свободного места. Иначе мой блок не был бы единственным.

Николай Степанович посмотрел на закрытую клетку за стеклом.

— Значит, сегодня повезло, что у людей есть отдельная кухня.

— Это не система.

— Нет.

Он сказал это без оправдания и без надежды, что название исправит положение.

После его отъезда клиника ещё час оставалась закрытой. Лида отвечала на звонки через дверь. Один человек требовал срочно привить дворового пса, хотя не мог привести его на поводке. Другой спрашивал, нужно ли вылить воду из всех мисок на улице. Третья женщина сообщила, что видела лису неделю назад возле гаражей, и теперь была уверена, что это та же самая.

Лида повторяла: не приближаться к диким животным, не трогать их и останки, держать домашних животных под контролем, по вопросам вакцинации звонить в районную службу или клинику, при возможном контакте человека обращаться за медицинской помощью без ожидания анализа. Она не говорила, что в городе бешенство. Она говорила, что есть подозрение и именно поэтому действуют сейчас.

В городском чате уже опубликовали её фамилию. Кто-то написал: «Новая ветеринар всё подтверждает». Лида ответила с официальной страницы клиники одним сообщением: «Подтверждён только факт обнаружения дикой лисы с необычным поведением и её направление на исследование. Подтверждённых укусов людей на площадке на момент выезда не было. Не приближайтесь к диким животным; при возможном контакте человека звоните 112 и следуйте указаниям медицинских специалистов. Информацию о результатах даст районная ветеринарная служба».

Через минуту ей позвонила Куницына.

— Сообщение ваше?

— Моё.

— Хорошо сформулировано. Добавьте, что владельцам нужно проверить действительность прививок животных, но не устраивать очередь сегодня у двери.

— Добавлю.

— Распоряжение по Тайге готовим. Хозяйка обратилась к врачам, это подтвердили.

— Когда ждать исследование?

— Не обещаю срок по телефону. Как будет официальный результат, сообщу.

— Ольге что говорить?

— Что наблюдение действует до нового письменного указания. И подготовьте свой блок.

Не занимайте никакими плановыми случаями.

Лида посмотрела на пустую клетку.

— Вы ожидаете размещение?

— Я ожидаю, что нам могут сообщить о других контактах. На площадке было много людей, рядом частный сектор. Полиция собирает свидетелей.

— Моего разрешения недостаточно.

— Я знаю. В понедельник ваше заявление должно было идти обычным порядком. Теперь поднимем сегодня. Ничего не считайте согласованным, пока не получите документ.

— Поняла.

— И отдохните хотя бы десять минут. По голосу слышно, что вы сейчас начнёте спасать район без перчаток.

— Перчатки на мне.

— Тем более снимите после обработки.

Звонок закончился. Лида добавила в сообщение строку о прививках и открыла главную дверь. На улице ждали шесть человек с животными. Она объяснила, что экстренной массовой вакцинации без записи не будет, проверила паспорта и назначила время каждому на ближай-

шие дни. Одну собаку с просроченной отметкой районная станция согласилась принять вечером. Двум владельцам оказалось достаточно показать, что их прививки действуют.

Продажи со стеллажа остановились. Никому не были нужны воротники и пелёнки. Все хотели одну вещь, которой нельзя было продать: гарантию, что их дом находится достаточно далеко от детской площадки.

В шесть вечера Лида закрыла кассу. Выручка оказалась меньше вчерашнего расчёта, а расходных материалов ушло больше. Она внесла всё в таблицу Игоря и рядом с красной строкой написала: «Возможный контакт с диким животным. Платный приём не проводился. Осмотр по указанию районной службы».

Игорь прислал письмо администрации. В нём были три страницы расчётов и один абзац, который Лида перечитала дважды: клиника предлагала городу оплачивать не конкретное занятое место, а готовность помещения принять животное по решению ответственного специалиста. Плата не давала городу права поставить в блок любого пациента и не меняла очередь по риску.

Утром это казалось попыткой получить компенсацию за пустую комнату. К вечеру — описанием того, чего городу не хватало.

Она позвонила Игорю.

— Отправляй письмо сегодня.

— Ты внесла правки?

— В первом пункте убери «гарантированное предоставление». Напиши «обеспечение готовности и предоставление по решению ответственного ветеринара».

— Это слабее для заказчика.

— Это правда.

— Хорошо. Ещё?

— Приложи акт Куницыной и сегодняшний журнал без персональных данных владельца. Покажи фактический вызов.

— Уже сделал копию формы. Что с собакой?

— Дома под изоляцией. Видимых укусов нет, прививка действующая. Результата по лисе нет.

— А ты?

— Закрываю клинику.

— Это не ответ.

Лида села на стул у стены. Новый стеллаж оказался на уровне плеча. На верхней полке лежал последний воротник размера Черники.

— Я всё время думаю, что было бы, если бы у Ольги не было кухни с дверью.

— Тогда искали бы другое место.

— Его нет.

— Есть твой блок.

— Без окончательного разрешения. И одна клетка. Если появится вторая собака с более высоким риском, их нельзя поставить вместе.

Игорь молчал.

— Отправляю письмо, — сказал он наконец. — И завтра вернусь, если нужно.

— Не нужно. Мне нужен помощник на месте, а не ещё один человек с ноутбуком.

— Помощница выходит в понедельник.

— Сегодня суббота.

— Я знаю, какой сегодня день.

— Тогда не приезжай. Будь на связи.

— Буду.

Лида завершила разговор и проверила сообщения. От Куницыной пришла фотография зарегистрированного распоряжения по Тайге, следом — подтверждение, что оригинал передан владельцам. Последняя строка была короткой: «Блок не занимать. Возможны новые контакты».

За окном по Советской прошла женщина с маленькой собакой. Поводок был обмотан вокруг ладони дважды. Навстречу ей шёл мужчина с дворнягой, которую обычно отпускал бежать впереди. Сегодня дворняга шла рядом на верёвке.

Город изменился за один день не потому, что диагноз подтвердили. Его не подтвердили. Изменилось знание о том, как мало расстояния между детской горкой, чужой ошибкой и одной белой комнатой с отдельным входом.

Лида вошла в блок, не переступая грязную границу, и проверила запас перчаток. Двадцать четыре пары. Халатов после сегодняшнего осталось одиннадцать. Раствора хватит на восемь полных обработок. Клетка была одна.

Она записала цифры на лист и прикрепила его к шкафу. Потом позвонила Антону.

Он ответил сразу.

— Я видел сообщение. В приюте всех заперли по вольерам. Волонтёров предупредил.

— У вас за последние сутки были новые собаки с улицы?

— Две. Одну привезли вчера вечером с Речной, вторую сегодня в семь утра от гаражей.

— Кто их принимал?

— Я и Женя. Они в крайних клетках под навесом, отдельно от остальных насколько возможно.

— Контакт с лисой?

— Неизвестно. Обе без владельцев. Одна привита по старой бирке, документы ищем. У второй ничего нет.

Лида закрыла глаза.

— Не перемещайте их. Не заходите без отдельной одежды. Запишите всех, кто касался, и маршруты, откуда привезли. Позвоните Куницыной.

— Уже звоню после тебя.

— Почему сначала мне?

— Потому что у тебя единственная готовая комната.

Вчера она сказала ему, что доступ решает врач. Сегодня решение уже приближалось к ней с двух сторон города.

— Комната пока свободна, — сказала Лида. — Но разрешения на размещение нет и двух неизвестных собак вместе я не приму.

— Я не прошу принять.

— Пока.

— Пока, — согласился Антон. — Я сообщаю данные.

За его спиной лаяли собаки. Обычно Лида различала в этом шуме нетерпение, страх, требование еды. Сейчас каждый голос казался вопросом, на который белая комната могла ответить только один раз.

— Позвони Куницыной, — повторила она. — И не приезжай без её указания.

— Не приеду.

— Антон.

— Что?

— Кто-нибудь касался морды непривитой собаки голыми руками?

Он не ответил сразу.

— Женя снимала верёвку. На ладони у неё вчера был порез.

Лида встала.

— Пусть моет руки и звонит врачам сейчас. Не ждёт Куницыну и не ждёт анализа лисы.

— Сделаю.

После звонка она не погасила свет в блоке. Проверила замок отдельного входа, положила чистый комплект одежды у границы и поставила телефон на зарядку.

В строке Игоревой таблицы про готовность всё ещё стоял ноль.

Клетка за стеклом ждала первого животного, которое нельзя будет отправить домой.

До решения комиссии оставалось семьдесят девять дней.

Глава 6. Первая клетка

В воскресенье в шесть двадцать утра Лиде позвонил мужчина и сказал, что его собака лизнула лису в морду.

Он произнёс это без приветствия, словно повторял фразу уже много раз и с каждым повтором она становилась хуже.

— Где вы находитесь? — спросила Лида.

— На Речной, дом восемь. Пёс в сарае. Я дверь подпёр лопатой.

— Не входите к нему. Когда произошёл контакт?

— Вчера утром. Может, в пятницу вечером. Я не видел сам. Соседка сейчас сказала.

— Какая лиса?

— Та самая, наверное. У нас что, их десять бешеных бегают?

— Пока ни про одну не подтверждён диагноз. Мне нужно понять место и время. Как вас зовут?

— Сергей Малышев. Собака Гром. Он не злой.

— Я не спрашивала, злой ли он. Прививка от бешенства когда сделана?

Тишина длилась слишком долго.

— В паспорте есть.

— Назовите дату.

— Паспорт у жены. Она на даче.

— Позвоните ей, но к собаке не входите. Я передаю сведения районной службе. Вам или кому-то ещё могла попасть слюна Грома на повреждённую кожу, в глаза или рот после возможного контакта?

— Я его за ошейник брал. На руках вроде цело.

— Не «вроде». Осмотрите руки при хорошем свете и сообщите медицинскому работнику точно. Сейчас вымойте их водой с мылом, если ещё не мыли, и позвоните сто двенадцать для оценки риска у человека.

— Да что вы меня пугаете? Он нормальный. Поел вечером, лаял.

— Я не говорю, что он болен. Я говорю, что после возможного контакта нельзя ждать изменения поведения, чтобы заняться людьми.

Лида записала адрес, телефон и имя соседки, которая могла видеть происшествие. Потом позвонила Куницыной. Инспектор ответила на втором гудке и, судя по голосу, уже не спала.

— У меня ещё два сообщения, — сказала она. — Одно про кошку у гаражей, там пока слух. Второе ваше теперь третье. По Грому проверяем свидетеля и документы. Не выезжайте.

— Он заперт в сарае, дверь подпёрта лопатой.

— Прекрасная русская система безопасности. Передайте хозяину отойти и никого не подпускать. Наши будут через сорок минут.

— Блок готов.

— Я помню. Разрешение подписано в шесть ноль пять для временного использования по моему письменному распоряжению на период угрозы. Сейчас отправлю копию. Это не общее разрешение и не право принимать всех подряд.

— Условия?

— Одно животное или одна связанная группа контакта. Отдельный персонал либо прекращение обычного приёма на время работы с изоляцией. Передача только по акту. Доступ по вашему журналу. Вывоз отходов согласовать отдельно.

Лида села на край кровати.

— Я одна до понедельника.

— Тогда при размещении закрываете обычный приём. Или отказываетесь от участия, и мы ищем другое место в районе.

— Где?

— Лида Андреевна, я не буду по телефону перечислять варианты, которых ещё нет. Решение после осмотра Грома. Пока готовьте помещение, но не открывайте внешний вход никому без нас.

Документ пришёл через минуту. На четырёх страницах были номер, основание, границы временного режима, фамилия ответственного врача и фраза, от которой комната сразу перестала принадлежать только клинике: «Размещение осуществляется по письменному направлению районного государственного ветеринарного инспектора исходя из оценки эпизоотического риска».

Лида прочла документ дважды. Игорь был указан как представитель владельца клиники, подлежащий уведомлению. Она переслала ему файл и позвонила.

— Я уже открыл, — сказал он.

— Сейчас воскресенье, половина седьмого.

— Телефон лежал рядом.

— Возможно первое размещение. Собака клиента, контакт пока проверяют. Если принимаю, обычный приём закрывается, пока я одна.

— Сколько дней?

— Не знаю.

— Оплата?

— Не знаю.

— Расходники?

— На несколько дней есть.

— Вывоз?

— Нужно согласовать.

Игорь выдохнул в трубку.

— Принимай только по акту и письменному направлению. Не потому, что мне жалко перчаток. Если возникнет спор, кто приказал и кто платит, устный героизм никто не вспомнит.

— Куницына всё оформляет.

— Тогда я считаю запас и звоню подрядчику по отходам. Ты едешь в клинику?

— Да.

— Позавтракай.

— Сейчас не могу.

— Можешь взять хлеб и съесть по дороге.

— Это санитарно сомнительная рекомендация.

— До входа в блок.

Он отключился. Лида оделась, положила в сумку два яблока и кусок хлеба, но есть не стала.

На Советской было пусто. После вчерашних сообщений владельцы не выпускали собак одних; даже привычная дворняга у магазина исчезла. Лида открыла клинику через главный вход, включила свет и сразу повернула табличку на двери обратной стороной. На чистом листе написала: «Приём временно только по телефону. Плановые записи переносятся».

На сегодня стояло семь пациентов. Лида позвонила каждому. Двоих приняла районная станция, трое согласились на понедельник, один владелец обругал её за то, что новая клиника закрывается в первую же неделю. Последней была Марина Павловна с пятнадцатилетним котом, которому требовалась повторная капельница.

— До завтра он не подождёт, — сказала женщина. — В районной мне ответили, что всё занято.

Лида посмотрела на изоляционную дверь. Пока клетка была пуста, но режим уже действовал.

— Я перезвоню через десять минут.

Она набрала знакомого врача в соседнем посёлке. Тот согласился принять кота в полдень, если хозяйка сможет приехать. Машины у Марины Павловны не было. Лида позвонила водителю, который иногда возил животных в область, договорилась о поездке по сниженной цене и оплатила разницу со своей карты.

— Запишите как расход клиники, — сказала она Игорю, когда тот потребовал чек.

— Это не расход клиники по договору.

— Пациент записан к нам. Мы закрываемся из-за режима, о котором вчера ещё не знали.

— Тогда возьми с неё обычную цену поездки, разницу оформим как компенсацию переноса.

— Она пенсионерка.

— Это не способ учёта.

— Игорь.

— Хорошо. Пятьсот рублей в пределах фонда бесплатной помощи, который мы вчера ещё не успели утвердить. Я записываю как разовое решение двух партнёров.

Лида согласилась. Даже доброе действие он заставлял обрести строку, подпись и предел. Сегодня это казалось не придиркой, а единственным способом вспомнить вечером, сколько чужих проблем клиника взяла на себя.

Она подготовила блок. Проверила вытяжку, застелила клетку, поставила тяжёлую миску для воды и сняла с полки всё, что не понадобится конкретному животному. На шкаф прикрепила копию временного разрешения. Рядом — чистый лист движения ключа.

В восемь семь позвонила Куницына.

— Свидетель подтверждает прямой контакт. Гром сорвался с цепи у Речной, подошёл к лисе, лиса сделала выпад. Женщина видела их морды рядом и потом слюну на шерсти собаки. Укуса не видела. Паспорт нашли: прививка просрочена на восемь месяцев.

— Состояние?

— Внешне без изменений. Наш фельдшер осмотрел на расстоянии. Домашняя изоляция ненадёжна: сарай с щелями, дверь не запирается, во дворе общий проход к соседям. Направляю в ваш блок.

Лида почувствовала, как пустая клетка за дверью стала занятой ещё до приезда машины.

— Кто перевозит?

— Наша служба. В закрытой клетке. Передача у отдельного входа. Владелец не входит.

— Срок?

— До нового распоряжения и с учётом результата исследования. В направлении всё есть.

— Кто оплачивает?

— Сейчас первичное размещение идёт по экстренному распоряжению. Финансовое основание администрация оформляет отдельно.

— То есть пока никто.

— То есть вы получите письменное обязательство по необходимым расходам в пределах утверждённого перечня. Не покупайте золотые миски.

— У меня стальная.

— Вот её и используйте.

Через мессенджер пришли направление и акт. В графе «владелец» стоял Сергей Малышев. В графе «причина» — возможный прямой контакт с диким плотоядным животным, направленным на лабораторное исследование. Ни слова «бешенство» как установленного факта.

Лида распечатала документы. Принтер зажевал второй лист. Она открыла крышку, вытащила смятую бумагу и напечатала снова. Обычная неисправность действовала успокаивающе. Пока ролик тянул лист, всё происходящее состояло из краски, номеров и ровных полей.

В восемь сорок к клинике подъехал фургон. Следом на старой машине приехал Сергей. Он выскочил прежде, чем машина остановилась, и направился к отдельному входу.

— Не подходите к фургону, — сказала Куницына, выйдя первой.

— Это моя собака.

— Поэтому стойте за линией и выполняйте указания.

— Какая линия?

Лида взяла красно-белую ленту и натянула её между калиткой и водосточной трубой, оставив специалистам прямой путь к двери.

— Теперь есть, — сказала она.

Сергей остановился. На нём были спортивные штаны, рабочая куртка на голое тело и разные носки в сандалиях. Видимо, он одевался, пока ждал машину.

— Дайте хоть посмотреть.

Через решётку транспортной клетки было видно крупную серую голову. Гром сидел, прижав уши. На шее оставался широкий кожаный ошейник, к нему крепилась короткая петля. Пёс не рычал. Увидев Сергея, он ударил хвостом по полу клетки.

— Громушка, — позвал хозяин.

Собака встала. Клетка качнулась.

— Не зовите, — сказала Куницына. — Ему нужно оставаться спокойно.

— Он думает, я его бросил.

— Он думает, что вы рядом. Этого достаточно.

Передача заняла двадцать три минуты. Сначала Лида и Куницына сверили номер направления и описание животного. Потом Лида осмотрела пломбы на транспортной клетке, хотя они были не для защиты от собаки, а для подтверждения, что дверцу не открывали по дороге. Николай Степанович надел защитный комплект и приготовился переместить Грома.

Клетка клиники была рассчитана на крупную собаку, но развернуть две металлические конструкции в маленькой комнате оказалось труднее, чем на плане. Транспортную поставили дверцей к дверце со стационарной. Между рамами осталась щель в два пальца. Лида закрыла её плотным щитом, который мастер изготовил по замечанию Куницыной.

— Открываем сначала внешнюю, затем внутреннюю, — проговорила инспектор. — Людей перед дверцами нет.

Гром не хотел переходить. Он упирался лапами, смотрел на Сергея через наружное окно и тяжело дышал. Хозяин стоял за лентой, сжав руки в кулаки.

— Можно я дам команду? — спросил он.

Куницына посмотрела на Лиду.

— С места, один раз, — разрешила Лида.

— Гром, место.

Собака переступила порог стационарной клетки и обернулась. Николай Степанович закрыл дверцу. Металлический засов вошёл в паз с сухим звуком.

Первая клетка была занята.

Лида ожидала, что почувствует торжество: комната, за которую она спорила и платила, наконец понадобилась. Вместо этого ей стало тесно. Гром занимал не только клетку. Он занял приёмные часы, запас халатов, вечер, решение о каждом следующем животном и чужую уверенность, что город как-нибудь справится.

Куницына передала Лиде акт.

— Время восемь пятьдесят восемь. Состояние при поступлении фиксируем без прямого осмотра пасти. Вода, корм по обычному рациону владельца, наблюдение через окно и камеру. Любые изменения — мне немедленно.

— Камеры нет, — сказала Лида.

— Значит, окно и установленный график. Но ночью одной не оставаться, если потребуется вход.

— Кто будет вторым?

— Сегодня Николай Степанович по вызову. С понедельника ваша помощница, если обучена и согласна работать в этих условиях.

— Она нанималась помощницей врача, не для карантина по угрозе бешенства.

— Тогда сначала получите отдельное согласие, проведите инструктаж и не ставьте перед фактом.

Лида записала.

Сергей поднял руку, будто находился на собрании.

— Когда я его заберу?

Куницына вышла к нему, не пересекая ленту.

— После нового письменного распоряжения. Мы ждём лабораторное исследование и оцениваем контакт. Сегодня вы подпишете правила содержания и предоставите корм, к которому собака привыкла. Самостоятельно входить, кормить и навещать внутри нельзя.

— Я могу видеть его через окно?

— По согласованию с ответственным врачом, снаружи, не возбуждая собаку.

— Он без меня не ест.

— Запишите привычное время и команду для кормления, — сказала Лида. — Можно принести его миску, если она чистая и её не использовали после контакта. Лучше оставим нашу.

— Подстилку принесу.

— Нет. Возьмём одноразовую. Запах дома может успокоить, но вещь потом придётся считать загрязнённой. Принесите немного привычного корма в закрытой упаковке.

— Он ест кашу с обрезью.

— Тогда напишите состав и время. Приготовим здесь из согласованных продуктов.

— Он не кусается.

Лида посмотрела на Грома. Пёс сел в клетке и продолжал смотреть на хозяина.

— Это сейчас не вопрос характера.

Сергей провёл рукой по лицу.

— Я цепь менял. Старая короткая была, он всё время вокруг будки наматывался. Поставил длиннее. Калитка закрыта. Как он вышел?

Никто не ответил. Объяснение побега не меняло контакт и не возвращало вчерашнее утро.

— Мне штраф будет? — спросил он.

— Это не я решаю, — сказала Куницына. — Сейчас подпишите документы и выполните медицинские рекомендации для себя. Вы сообщили, что брали собаку за ошейник после контакта.

— Руки целые.

— Оценку проводит врач для людей.

— Я здоров.

— Сергей, — сказала Лида. — Вчера Ольга тоже чувствовала себя здоровой. Она всё равно обратилась. Не ждите симптомов, чтобы спросить специалиста.

Он посмотрел на неё с обидой, как будто она встала на сторону документов против него. Потом достал телефон и отошёл звонить.

Куницына осмотрела комнату после размещения. Проверила положение миски, расстояние до клетки, работу вытяжки, контейнеры и журналы. На листе расхода защитной одежды сделала первую запись. Один комплект ушёл на приём, второй — на уборку после транспортной клетки.

— Запаса мало, — сказала она.

— Одиннадцать халатов было утром. Теперь девять.

— Заказывайте ещё.

— Кто оплачивает?

— Включите в перечень необходимых расходов. Я подпишу обоснование.

— Игорь уже ищет поставщика.

— Хороший у вас партнёр.

— Вы с ним ещё не спорили.

— Хороший партнёр и должен спорить до расхода, а после происшествия быстро привезти нужное.

Лида ничего не ответила. Куницына была права, а это начинало становиться утомительным.

После отъезда службы она осталась одна с Громом. Между приёмной и блоком были две двери и короткий коридор. Сквозь смотровое окно виднелась половина клетки. Пёс лежал, положив голову на лапы. Дыхание было ровным.

Лида записала первое наблюдение: сознание ясное, выраженного возбуждения нет, положение естественное, вода предложена. Потом поняла, что слово «естественное» ничего не значит, и заменила его конкретным: лежит на груди, голова на передних лапах, реагирует взглядом на движение у окна.

Телефон не умолкал. Люди просили прививки, справки и подтверждение слухов. Лида настроила сообщение: «Из-за работы в изоляционном режиме обычный приём временно приостановлен. При неотложном состоянии звоните; врач поможет определить ближайшее доступное место». Каждому неотложному пациенту всё равно приходилось отвечать лично.

В десять позвонил Антон.

— У тебя кто-то есть?

— Собака владельца с Речной. Прямой контакт подтверждён свидетелем, прививка просрочена. Размещена по письменному направлению Куницыной.

— Значит, блок занят.

— Да.

— У нас Куницына была час назад. Осмотрела обеих новых. Видимых повреждений нет. Велела оставить отдельно и усилить ограничения.

— Женя обратилась к врачам?

— Да. Ей дали рекомендации. Она злится, что я сообщил про порез.

— Пусть злится.

— Я так и сказал.

За его спиной лязгнуло ведро. Потом залаяла одна собака, за ней сразу несколько.

— Если вашим понадобится помещение, Грома нельзя поставить рядом, — сказала Лида.

— Я понимаю.

— Даже если результат по лисе задержится.

— Понимаю.

— И я не могу принять связанную группу из приюта по одному животному. Одна клетка — это не двенадцать мест.

— Лида, я не прошу.

— Ты звонишь спросить, занят ли блок.

— Потому что должен знать, на что не рассчитывать.

Она прислонилась лбом к прохладному стеклу двери.

— Прости.

— Не за что. Ты говоришь правило до просьбы. Это лучше, чем после.

— Как Черника?

— Грызёт новый воротник. Галина Петровна считает это неблагодарностью.

— Передай, что через три дня снимем, если повязка сухая.

— Передам.

Ни один не сказал, что хотел бы увидеть другого. В сегодняшнем дне это звучало бы требованием оставить чужих животных ради собственного облегчения.

В половине одиннадцатого Гром встал и начал ходить по клетке. Три шага вперёд, поворот, три шага назад. Металлический поддон тихо дребезжал под когтями. Лида наблюдала пять минут. Пёс посмотрел на миску, но не пил.

Она позвонила Сергею и спросила привычную команду для воды.

— Никакой. Он пьёт, когда хочет.

— Какой у него обычный режим утром?

— В семь выпускаю во двор, потом каша. В воскресенье позже.

— Он привык ходить перед едой. Сейчас прогулки не будет.

— Так выпустите во двор на поводке.

— Нельзя.

— Он не станет ходить в клетке.

— Тогда предложим поддон и дадим время.

— Вы же его мучаете.

Лида прикрыла глаза.

— Я ограничиваю собаку по распоряжению службы после возможного опасного контакта.

Мне тоже не нравится клетка. Но прогулка через общий двор создаст новый риск.

— У вас отдельный вход.

— За ним городская улица, а не закрытый выгул.

— Значит, вы комнату построили, а про собаку не подумали.

Фраза попала точно. В комнате была вытяжка, раковина и документы, но не было безопасного закрытого двора. На плане он не требовался для краткого содержания. Гром мог провести здесь не несколько часов.

— Вы правы, — сказала Лида. — Отдельного защищённого выгула нет. Я запишу это ограничение и сообщу Куницыной. Сейчас выпустить его не могу.

Сергей замолчал, готовый к спору и оставшийся без противника.

— Он правда терпит долго, — сказал он тише. — Но потом живот болит.

— Я учту. Принесите его корм к двенадцати и не подходите к окну, пока я не позову.

После разговора Лида внесла в журнал: отсутствие площадки для безопасного выгула, риск задержки мочеиспускания у собаки, привыкшей к двору. Позвонила Куницыной. Та не предложила невозможного решения.

— Наблюдайте, — сказала инспектор. — Если состояние требует перемещения, будем согласовывать закрытый транспорт и другое место. Самостоятельно не выводить.

— Другого места нет.

— Тогда будем решать по состоянию, а не заранее нарушать режим.

В одиннадцать Гром попил. В одиннадцать двадцать использовал впитывающий поддон и долго потом стоял в дальнем углу, отвернувшись от окна. Лида убрала отходы по инструкции. Для этого потребовались новый халат, перчатки, пакет, обработка пола и двадцать семь минут. Обычная прогулка превратилась в строку расходов и полчаса закрытого времени.

Игорь позвонил как раз тогда, когда она снимала внешний слой перчаток.

— Я нашёл халаты. Доставка сегодня к вечеру, но цена в полтора раза выше.

- Берём.
- Согласен. Администрация зарегистрировала наше письмо и запросила перечень фактических расходов. Я отправлю к двум.
- Добавь отсутствие безопасного выгула как ограничение помещения.
- Это расход?
- Это причина, почему блок нельзя считать полноценным городским карантинном.
- Лида, сейчас не время доказывать, что наша услуга хуже.
- Сейчас единственное время сказать правду. Если они оплатят готовность, должны знать границы.
- Можно написать: «размещение животных, не требующих выгула».
- Гром требует. Просто раньше никто не спросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.